

ОДИНОЧЕСТВО СРЕДИ ЗИМЫ

Если с чем и можно сравнить особое, еще толком никем не понятое состояние вдовства, в том числе и самими вдовцами, так разве что с человеком, у которого в подзимье сгорел дом со всеми потрохами: тут бы срочно ладить новый, а ни материала, ни сил и особенно желания нет даже в помине.

Говорю все это уверенно, как вдовец со стажем, пусть и минимальным. Неведомо, в силу какого закона мироздания, но по прошествии рубежного года после смерти жены я вдруг тревожно почувствовал в себе какой-то странный, навязчивый интерес к другим женщинам. Он глухо, даже как-то сердито нарастал во мне. Я начал внешне беспричинно часами блуждать по родным воронежским улицам, будто одинокий пес в поисках пропавшего хозяина. И все оглядываться по сторонам, оглядываться...

Однажды это неприкаянное беспарное бродяжничество занесло меня на какой-то партийный митинг. Была классическая январская фаза зимы. Мороз словно жужжал и искрил от напряжения, как мощный трансформатор, питанный сильным током; снега броско, щедро рикошетили

длинный серебряный свет. Честно говоря, я понятия не имел, зачем здесь оказался. Однозначно, что не в поисках национальной идеи. Кажется, я со стороны вообще был больше похож на некоего городского сумасшедшего образца начальной трети XXI века. Так что чьи флаги сонно показывались над куцей, искусственно сделанной толпой, уточнять не стану. Не суть важно. Но это вовсе не были адепты и неопиты, снедаемые возвышенной жаждой самозабвенной борьбы за народное счастье. Также ни слова о символике вязаной шапочки, которую я натянул на голову, приняв ее в подарок из энергичных рук молодой, гладенькой партийной функционерши Кати с красивым, решительным лицом.

— А это вам от наших боссов за участие в массовке! — с милой вдохновенностью улыбнулось мне яркое олицетворение очередного счастливого будущего моей многострадальной Родины, протянув ни мало ни много пятисотрублевую купюру. — Расписываться не обязательно.

— Приму партийное подаяние при одном условии: мы с вами эти деньжищи немедленно «просадим» в ближайшем кафе.

— Когда вы там были последний раз? Этой «пятерки» сегодня даже на одну порцию мороженого не хватит! — поморщилась Катя. — Давайте заберем мою Юльку из садика и сами организуем нечто вроде скромного семейного ужина. У меня дома. Вас дети не очень раздражают?

— Что вы! — поспешил заверить я со всей мудрой зрелостью худо-бедно освоенного мной полувекового возраста. — У меня внучка растет! Лизонька! Пятый годик ей. Радость моя немереная!

ДЕТОНЕНАВИСТНИКИ

Катя жила в блочной девятиэтажке эпохи развитого социализма. Гостям в таких домах главное — вовремя задержать дыхание, чтобы проскочить в нужную квартиру до того, как с непривычки начнется помутнение сознания — результат агрессивного влияния на организм здешней атмосферы. Она до задыха насыщена ароматами активного брожения в мусоропроводе и органических отходов любителей опрарляться в подъезде.

Мне это удалось. Свидание с Катей меня как-никак вдохновляло. Я чувствовал себя почти ее ровесником.

У Кати в квартире было мило и чистенько, не считая пятен на обоях и потолке от убиенных комаров. Я наполнил фальшивым красным вином выставленные нам чашки. Под него Катя подала какие-то размочаленные пельмени синюшного оттенка, которые стойко пахли горелой свиной щетиной.

Мы привыкли по нынешней кризисно-санкционной жизни не обращать внимания на такие мелочи быта и ели более-менее с аппетитом. Да еще периодически воспитанно улыбались друг другу. И старались поначалу не замечать, как пузатенькая дочь Кати Юлька затовливо кормит игрушки сметаной из моей тарелки методом макания. Это несколько мешало мне вовремя закусывать и отвлекало от вдохновенного партийного разговора с Юлей о событиях в Сирии и Украине. А моя робкая попытка бодрым шлепком по верткой Юлькиной попке ограничить аппетит ее мишек, монстров и русалок, закончилась дерзким басистым ревом ребенка сквозь густую паутину сопелек. Умоляюще улыбнувшись мне, Катя разрешила Юленьке побить «плохого дядю». Видимо, это был с ее стороны проверенный педагогический прием. По крайней мере, он реально

помог дитю успокоиться, после того как в меня с изумительной меткостью полетели кубики Рубика, трансформеры, фломастеры и даже обувь, не всегда детская и чистая. После такой артподготовки Юленька весело приступила к отвинчиванию моих пальцев.

Катя явно не только не находила во всем этом ничего странного, но происходящее даже умиляло ее, вызывая нежный материнский восторг. Казалось, еще минута — и она сама бросится колотить меня вместе с дочуркой. Я чувствовал себя ни много ни мало Франсуа Перреном из любимого кинофильма моей молодости «Игрушка».

И был мне голос свыше: пробормотав какие-то путаные лживые извинения, вроде того, что меня срочно ждут на заседании ректората, я неуклюже бежал. При этом мне, наконец, довелось сполна надышаться ароматами Катиного подъезда.

После всех этих испытаний мне было впору примкнуть к набирающему в Интернете силу международному движению *childfree-childhate*, члены которого яростно тешат себя тем, будто они идеологически ненавидят детей и все, что с ними связано.

Вот некоторые образцы их партийных программ:

— Я детей ненавижу: после одного часа пребывания с ними они начинают меня дико бесить. Они все время говорят-говорят-говорят-говорят сами с собой, с игрушками!!! Как придурки! Причем лепечут полный идиотизм!!!

— Меня дети просто истерят своей тупостью, бессмысленным смехом, гуканьем, гримасами, высовыванием языков, беготней, шилопопостью, беспомощностью, наглостью, невоспитанностью, бестактными словами и выходками, криком, соплями, энурезом и безудержным поносом. У меня к ним омерзение на геномном уровне, как, например, к мелким шавкам типа йорков, чихуа и китайских хохлатых — ну никакого желания взять в руки, потискать, посюсюкать: скорее, наоборот! Вообще моя мечта: деревня для тех, кто с детьми. Остальной мир будет чище и свободнее...

Не став новообращенным *childfree-childhate*, я, тем не менее, отныне, знакомясь с женщинами на предмет прерывания своего вдовства, внимательно интересуюсь, есть ли у них несовершеннолетние отпрыски. Многие дамы, как видно в силу жизненного опыта, сами первыми спешат известить, что они не обременены ни малолетними детьми, ни, тем более, внуками. Даже раньше, чем заверят вас в своей материальной и жилищной независимости.

ЯРОСТНЫЙ СТРОЙОТЯД

Точной статистики, вернее, вовсе никакой, нет насчет того, при каких обстоятельствах имеется вероятность через двадцать лет случайно встретить на улице бывшего сокурсника или сокурсницу. Мир был тесен только до изобретения автомобиля.

Мы с Зоей встретились на середине одной из центральных воронежских улиц. Изначально с XVII века она звалась Публичной за здешнюю людность, а к 300-летию царствующей династии стала Романовской; в 1917-м как красный флаг над ней поднялось новое название — улица Свободы. А после загадочного убийства Сергея Мироновича Кострикова (партийный псевдоним — Киров), она поныне носит его имя в трепетном ожидании новых знаковых событий в российском мире.

Во то утро я привильно спешил по Кирову в областную Думу читать для депутатов лекцию о том, как Воронеж при Петре Первом был одно время столицей России; в тот же час и ту же минуту кандидат психологических наук Зоя Витальевна Разумная шла из Думы по противоположной стороне улицы от уполномоченного по правам человека, с заседания комиссии по помилованию. У нее даже дипломная работа, если память мне не изменяет, была по теме этой нынешней общественной нагрузки — «Лев Толстой и Владимир Короленко о смертной казни».

Не знаю, сколь успешно работала сегодня их комиссия в тонкой области амнистирования, но одного человека сегодня Зоя Витальевна однозначно помиловала. Им был я. А помиловала она меня неожиданно-негаданно от надвигающейся самым роковым образом казни одиночеством — одного из самых изощренных и дерзких форм уничтожения мыслящей материи.

Последний раз мы виделись с ней в Чехословакии на пражском Карловом мосту — тому минула бездна времени по любым системам времяисчисления. И хотя сей мост благополучно стоит поныне седьмой век, Чехословакия давно приказала всем нам долго жить.

Я узнал Зою по голосу. Он менее всего изменился у нее со студенческой поры. Мягкогустой, словно полнозвучно бегущий по перекатам, мерцающая... *merzau... Mezzo-soprano...*

— Да погодите вы!.. — мило покрикивала она с противоположной стороны улицы на автомобили в тщетной надежде притормозить их возле «зебры», напминавшей лестницу, перекинутую через улицу.

— Зоя?!! — с таким восторгом крикнул я, что движение на Кирову немедленно прекратилось: как автомобильное, так и пешеходное. Возможно, я на какое-то мгновение неведомым образом нарушил все законы гравитации и, шаркнув подошвами, воспарил над плиточным тротуаром.

Мы сбежались с Зоей на середине улицы.

— Сережа! — яркие золотистые веснушки огнисто брызнули с ее лица во все стороны — она искристо пыхнула улыбкой-фейерверком. Памятной мне еще со студенческой скамьи. Сегодня я бы сказал, что эта улыбка Зои — ее физиогномический бренд. Хоть патент на него оформляй.

Узнав меня, кандидат психологических наук госпожа Зоя Витальевна Разумная вся словно затрепетала: такой эффект создал эротически настроенный ветер, резвясь под ее легким, бурно запузырившемся платьем. Будь оно красным, Зоя, да простятся мне такие сравнения, могла показаться Жанной д'Арк на вспыхнувшем костре.

Мы никогда не были отчетливо влюблены: ни пока учились в эпоху торжества развитого социализма в знаменитом ВГУ имени Ленинского комсомола, ни когда играли в легендарном театре миниатюр Льва Кройчика или оказались вместе там, где все влюбляются друг в друга: на так называемой «целине» в колхозе-миллионере «Заветы Ильича». Наверное, потому что мы были заняты слишком прозаичным для нас с ней делом — я с шести утра до десяти вечера ударно строил свинарники, Зоя с удивительной для городской интеллигентной девочки из классической профессорской семьи великолепно готовила для бойцов «щи да кашу» в чистом поле на кособокой печи, точно на пепелище.

Сейчас от свинарников остался только раскрошенный фундамент, а от колхоза-миллионера — заброшенные пахотные земли, словно натура для кинофильма об обезлюдевшей планете. Но я тогда за «трудоустройство» так-таки преуспел успешно заработать себе на знаменитую чехос-

ловацкую красную «Яву» (1100 советских «рыжиков» рублей), а жене Марине — на блестящую черную каракулеву шубку (1000 рублей) — этой номенклатурной невидалью я сказочно отоварился в подвальном распределителе Кремлевского Дворца съездов на Всесоюзном слете стройотрядовских ударников. Партия разрешила это комсомолу со снисходительной старческой улыбкой... В гроб сходя...

Первые несколько минут мы говорили с Зоей непрерывно. О чем — даже не помню. Наверняка о сокурсниках, еще раз о них же и, само собой, о падении мировых цен на сырую нефть и первом на Земле памятнике Маршаку возле воронежской «Пролетки» — таким именем мой остроумные земляки еще в годы СССР окрестили кинотеатр «Пролетарий», торжественно названный так советской властью в честь передового отряда человечества — революционного класса-гегемона. Однако на латыни, чьи слова лежат в основе почти всех наших более-менее умных выражений, *proletarius* есть всего-навсего лица «неимущие». А изначально в годы Первой мировой войны этот наш центральный синематограф назывался более человечно, но тоже как-то неказисто — «Увечный воин».

Слово за слово я подвел Зою к более сущностному вопросу: «Ну, а ты — ты сама как?» Ответить на него порой сложнее, чем объяснить природу Большого взрыва или эпидемической вспышки однополых браков в благополучной Европе. «Как ты?» многих ставит в тупик, вводит в ступор, лишает дара речи, пресекает дыхание и так далее. Однажды наша профессор кафедры русского языка Елена Михайловна Урицкая на новогоднем фуршете раскрепощенно поведала, что на сакральное «Как ты?» существует около 100 вариантов светского ответа: дела идут, контора пишет; лучше, чем вчера; дела идут, жизнь кипит; все в порядке; как обычно, все отлично, живем и радуемся; лучше всех; все просто замечательно; настолько отлично, что хочется танцевать (петь); великолепно, восхитительно, потрясающе, как в красивом кино; как в книге о настоящей любви; как в сказке; офигенно; летаю на крыльях счастья; я на седьмом небе; как в раю; весна в душе; порхаю, как бабочка; счастлив(а), как никогда прежде... И так далее, и тому подобное.

Ни одним из этих вариантов Зоя не воспользовалась. Как-никак она была автором бестселлера «Как гармонично жить в мировом хаосе» и преподавала в академии МВД психологический спецкурс по борьбе с массовыми беспорядками. В отличие от меня, защитившего когда-то в СССР кандидатскую диссертацию по истории на тему «Роль стенной печати в разгроме немецко-фашистских оккупантов».

— Как я?.. — Зоя робко улыбнулась, но глаза ее при этом контрастно построжели. — Мужа похоронила... Год назад.

Связующая нить...

— У меня жена умерла. Тоже год назад...

— Марина? Из техноложки?

— Другой не было.

— Мои соболезнования...

— Взаимно.

Водители суетливо притормаживали возле нас: кто безопасности ради, кто рывкнуть какую-нибудь гадость. Наш светский раут на проезжей части явно не всех автомобилистов устраивал.

— Пора бы нам разбежаться... — вздохнула Зоя.

— Пока не побили... — усмехнулся я.

— Будет настроение — звоните, Сергей Владимирович...

— На деревню бабushке?

Поспешно обменявшись визитками, мы машинально обнялись. При этом у меня было ощущение, будто я ждал этого соприкосновения все время нашего разговора. Может быть, даже все время с тех давних советских студенческих лет, когда увидел Зою впервые. Девушка была она очень даже. Виртуально магическая. По тогдашней классификации — «тургеневская», то есть рожденная любить не по-земному. В общем, утонченная барышня с классическими пропорциями Афродиты Праксителя и словно овеянная чувственными ароматами июльского лугового разнотравья. Ей бы позировать знаменитому Ричарду Джонсону, а она стала поварихой в стройотряде «Верный ленинец»...

...После фейерверка взрывных политречей и звонких агиток-речевок я на правах командира вручал бойцам-ударникам паспорта-разрешения на работу. Своего рода пропуск в светлое будущее развитого социализма. Особенно долго тряс Зоины нежные руки, удостоенные созидать на полевой кухне наваристые щи и полуметровые макароны по-флотски, похожие на гигантские пиявки, побледневшие от страха перед нашим стройотрядовским трудовым аппетитом.

А вокруг тяжелый бархат красных знамен, над головами пылает песня Градского «Яростный стройотряд», — и Зоя прекрасно идет прочь сквозь наш фонтанирующий комсомольский энтузиазм на уровне политической оргии. Идет в то реальное будущее, где мы через многие десятилетия встретимся вновь, но уже словно на другой планете.

До сих пор взволнованно помню ее пронзительно-синее радостное платье и гордый звук каблучков. Банально? Дай Бог вам иметь в вашей жизни хоть одно подобное воспоминание.

МИНУТА ИСТИНЫ

Я вернулся на свою сторону, едва не поставив на дыбы все автомобили. В кривых зеркалах подсознания я сейчас видел себя едва ли не Кинг Конгом в тот момент, когда эта доисторическая животина прорывается в город и пытается найти среди тупых небоскребов свою Энн. Естественно, круша все на пути. Его дерзко атакуют верткие американские истребители Curtiss F8C-5 Helldiver. В сопливо-печальном финале над мертвой тушей расстрелянного Конга звучит слащавая голливудская фраза: «Его убили не самолеты. Чудовище убила Красота». Явно имелась в виду замечательная внешность актрисы Наоми Уоттс. Вообще она в этом плане очень даже ничего. Ко всему еще и посол Доброй воли, вегетарианка, дважды на Оскара номинировалась. В общем, моя фантазия разыгралась круче, чем у Питера Джексона, когда он снимал легендарный ремейк своего «Кинг-Конга». Просто-таки по-пацански разыгралась.

Зоя поэтически шла по другой стороне в одном со мной направлении. Мое боковое зрение ни на миг не теряло ее из виду.

Так продолжаться бесконечно не могло.

Я остановился. Зоя сделала то же самое. Мы помахали друг другу и, не сговариваясь, снова пошли навстречу. Как замороженные. Естественно, не обращая никакого внимания на отсутствие лежачего частотола «зебры». Мы еще раз создали такой автоповорот, от которого даже камеры дорожного слежения растерянно отвернулись.

— ...!!! ...!!! ...!!! — звучала в наш с Зоей адрес без всякой распевки сла-

женная матерная партия возмущенных автолюбителей. Самый настоящий хор блатных и шайки нищих на преступно дорогих машинах. Из грозового облака их вселенского рева карающими молниями Зевса стремительно падали блистательные нецензурные молнии возмущенного водителя продуктовой «Газели» с креативной надписью на фургоне «Если хочешь быть атлетом, хлеба ешь зимой и летом!» Я невольно отметил, что, судя по всему, весной и осенью их фирма предлагает покупателям разгрузочное полугодье.

— Ты что-то забыл мне сказать, радость моя?.. — щедро улыбнулась Зоя, и снова будто зазвенели, разлетаясь, ее веселье веснушки.

«Минута истины не выбирает место для наступления своего часа».

Кажется, я машинально родил нечто вроде афоризма, но выговорить его так и не смог.

— У тебя психосоматический ступор? — вкрадчиво заметила Зоя.

— Если бы... — издал я носом некое подобие самобичующей насмешки. — Все гораздо проблемней. Меня только что озарило: оказывается, я был в тебя всю жизнь тайно влюблен.

— А сейчас увидел меня такую, далеко не юную, и поморщился...

— Зоя-Зоенька, почему мы не встретились раньше? Я в своем одиночестве столько глупостей наделал.

— Я бы стала очередной...

— В любом случае, мне кажется, что настал наш час. Может быть, даже звездный.

— Ты уверен?

— А почему нет? Кстати, именно сегодня ночью созвездие Цефея пошлет землянам настоящий фейерверк. Падающих звезд хватит все наши желания не только загадать, но и реализовать не откладывая.

— И что ты предлагаешь?

Я простодушно улыбнулся:

— Поездку ко мне на дачу. Там весьма комфортно беседовать с небом. И друг с другом. Когда над головой рукав Млечного Пути, точно дым галактического костра.

— Ты часом не звездный пришелец?.. — усмехнулась Зоя.

— Просто устал жить без любви.

«ПОМОЛЧИМ О ЛЮБВИ...»

Когда мой истинный француз Renault Megane Extreme с элегантным достоинством взял курс на дачный кооператив с праздничным названием «Салют», я взволнованно восчувствовал близость завершения моего тягостного гештальта двдца.

Нынешнее состояние моей «фазенды» вполне соответствовало переживаниям их овдовевшего хозяина: матерые сорняки типа канадской лебеды и канатника Теофраста, заросли жизнелюбивого терновника и змеистые кусты одичавших роз, ошипованных в панк-стиле. Из высоких зарослей рудбекии, похожей своими ярко-желтыми цветками на маленькие подсолнухи, меня поприветствовал сердитым хрюканьем мокроносыый старожил-еж Борька — существо, как и я до дня сегодняшнего, одинокое, с затупившимися седыми иголками.

Готовясь к ужину, я первым делом старательно вытряхнул мертвенно-пыльные чехлы с дачной мебели. Для создания ретро-романтической

обстановки кинул на стол белоснежную кружевную скатерть, связанную еще моей мамой Татьяной Яковлевной в годы далекой гагаринской эпохи — с тех пор она в нашем доме стала символом большого и радостного праздника. И поленца для традиционного дачного шашлыка я взял не абы какие, а самые знатные, наиважнейшие, — грушевые, кои лежали у меня в душистой вязанке дров особо, отдельным рядком.

Нет лучшего места и лучшей минуты для отрадного разговора, чем возле таинственно, словно из ничего, мистически оживающего в потемках огня...

— У меня такое ощущение, что мы с тобой никогда не расставались и всю жизнь были рядом... — вздохнула Зоя.

Я осторожно усмехнулся:

— Когда я узнал, что ты вышла замуж, то получил ощутимый укол ревности.

— Со мной было то же самое относительно твоей Марины...

— Неужели мы предчувствовали, что доживать свой век будем вместе?

— Во-первых, разве это уже решено? А, во-вторых, как плохо звучит — доживать... Почти как дожевывать. Я, может быть, и соглашусь быть вместе, но только при одном условии — жить и не тужить!

— А ты не забыла нашу встречу в Праге? Кажется, было самое начало горбачевской перестройки. В СССР свирепствовал сухой закон. А там, в Чехословакии, на каждом шагу такое отменное пиво!..

— Карлов мост! Да, все в памяти... — Зоя бережно взяла мою ладонь и приложила к своей щеке. — Столкнуться двум бывшим сокурсникам нос к носу не в родном Воронеже, а за тысячи километров от него! Твоя жена тогда, кажется, застряла в магазине, а мой муж вовремя увлекся в трактире дегустацией «Старосмиховского»! Слушай, судьбе просто нравится устраивать для нас неожиданные встречи! И я от души благодарна ей...

В час, близкий к полуночи, я торжественно взял Зою Витальевну под руку и мы сошли по крыльцу моей хибары под звезды. Словно заступили в театральный зал, где на сцене сейчас будут давать представление сами небеса.

Этот домик на тихой воде.
Мы к нему глубиною причалим,
Весь в зеленые ветви одет,
Так радушен — до слез, до печали...

— деликатно вздохнула Зоя.

Августовский мрак отяжелел стылой сыростью близкого Дона, черным запахом прогоревших углей костра и бледно-розовым ароматом вызревших к Спасу яблок. Густота ночи такова, что каждый шаг дается с напряжением.

Постоим у вечерней воды...
Это — август! Созрели плоды...
Мы полжизни его дожидались.
Постоим, помолчим о любви,
О которой и в снах не сознались.

— Зоенька, не врублюсь: ты что-то свое читаешь? — сказал я, положив ей руки на плечи.

— Психологов нельзя пускать в поэзию. Они сразу превратят ее в тест. А эти стихи я где-то прочитала. Правда, замечательные?

— Более того.

— Кстати, автора я случайно запомнила. На мой взгляд, это самый тонко чувствующий поэт нашего времени. Только жаль, что она, как и я, — тоже Зоя. Только Колесникова. Плохое у нас с ней имя... Как вспомню судьбу Космодемьянской...

— Тогда подключи к своей мрачной антропонимике святую Зою Аталийскую. Катулл сжег ее вместе с семьей. А святая Зоя Римская? Замучена язычниками. Но была еще преподобная Зоя Вифлеемская. Вот она умерла своей смертью. В монастыре.

— Уже нечто... — смущенно обняла меня Зоя.

Матерые звезды пламенно жили над нашими головами своей великой вселенской жизнью. Неспроста они считались у даосов божествами, а конкретно Полярная звезда для древних китайцев так вообще выполняла роль господина Неба и Земли. То бишь, всего Сущего. В любом случае городского человека надо регулярно оставлять наедине со Вселенной. Прочищает мозги, поверьте.

Я поцеловал Зою. И тоже смущенно, но по нарастающей. Поэтому про ее Вифлеемскую тезку мы вспомнили не скоро.

— Ты что-то про блудницу собирался поведать «блуднице»... — переведа дыхание, напомнила Зоя.

— В общем, представь... — наморщил я нос. — Древняя Палестина. В пустыне двадцать пять лет в подвигах и безмолвии одиноко живет святой Мартиниан-целитель. Однажды к нему является беспутная женщина. Она поспорила со своими друзьями, что влет совратит отшельника.

— Класс! Я, кажется, догадываюсь, что произошло дальше.

— А дальше она, сославшись на ненастную погоду, попросила ночлега. Мартиниан ее впустил. Зоя скинула потрепанный хитон и предстала перед святым в дорогих соблазнительных одеждах.

— А что если и вовсе без них? — почти весело посочувствовала Мартиниану Зоя Витальевна.

Я развел руками:

— Какая разница! Все равно Мартиниан вышел из кельи, разжег костер и мужественно встал босыми ногами в пылающие угли.

— Господи! — вздрогнула Зоя и, кажется, перестала дышать.

— То-то и оно! Блуднице тоже стало не по себе. Упала на колени, принялась слезно вымаливать прощение. Дальнейшее тебе известно.

— Трогательно, весьма... — тихо вздохнула Зоя. — Кстати, кто-то из наших словесных классиков, кажется, украл для своих нужд этот сюжет из сказаний?

Я не успел назвать графа-сластолюбца, безуспешно и не очень серьезно боровшегося со своей похотью, как вдруг с северо-запада из-за горизонта в полной тишине стремительно вырвался яркий комок оранжевого огня. Чиркнул пламенисто по небосводу и беззвучно канул за зубцы далекого задонского леса. Он как будто чрезвычайно спешил, озабоченный особой миссией, к которой мы с Зоей вкупе со всем человечеством не имели ни малейшего отношения. И не должны иметь.

— Самолет!!! — по-девчоночьи вскрикнула она.

— Нет, Зоенька, это совсем другое... — сдержанно сказал я тоном человека, особо приближенного к знанию сугубых тайн мироздания. — Ни звука, ни фонарей... И летел он быстрее быстрого. Таких скоростей мы еще не знаем.

— Мы — это человечество?

— Вроде того.

— А как тебе, милый, версия со спутником?

Я поцеловал Зою. Но не за версию, а за одно нечаянно вырвавшееся у нее слово. Правда, было так темно, что губы мои ткнулись ей в затылок.

— Спутники летают по другим траекториям. Включая международную космическую станцию.

— Значит, это твои цефеиды!

— И близко не из той оперы. Те сыпятся бледным веером.

Я еще раз бдительно, по-хозяйски, оглядел беременно отяжелевшее звездами небо. Так старательный фермер оценивает свои поля, вызревшие славной пшеничкой или рожью.

— По-моему, ты только что видела самое настоящее НЛО.

— С инопланетянами?

— Возможно.

— Господи, а что им здесь надо?

— В другой раз обязательно у них спросим.

— Как жаль, что с нами нет Славика... — шепнула Зоя и, прижавшись спиной к моей груди, замерла. — Вот бы ему было интересно!

— А что это за незнакомая мне личность?

— Мой внук. Мой золотой мальчик...

— Школьник?

— Последний год в детском садике... — с едва сдерживаемым умилением проговорила Зоя.

Кажется, она почувствовала мое некоторое напряжение в связи с этой информацией. Хотя я сам этого в себе тогда не заметил. Вернее, почти не заметил... Стоим себе и стоим. Полуобнявшись. Ночь загустела. Туман в долине Дона тайно вызревает.

— Не волнуйся... — шепнула Зоя. — Мой внук нам помехой не станет. Живет с мамой-папой. Зять у меня человек обеспеченный. Более чем. Все там нормально.

Проницательность женщин не знает предела.

— Познакомишь?

— Со Славиком?! — радостно напряглась Зоя.

— И с ним, и с его родителями.

— Само собой. Как-нибудь. А ты любишь детей?..

— По крайней мере, я не «чайлдфри». У меня сын, внучка Лизонька четырех лет. С половиной...

— Как здорово! И как эта очаровашка тебя называет?

— Господи, что может быть в этом интересного?

— И все же...

— «Дедя»... — несколько стушевался я.

— Класс!

— С точки зрения Фрейда или Юнга?

— Моей тебе достаточно?

— Вполне.

БЕССМЕРТИЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Мы недолго решали, где начнем нашу новую жизнь: на неделе Зоя переехала ко мне в Березовую рощу — мы еще тешили себя тем, что это элитная зеленая зона Воронежа. Несмотря на то, что ее уже стеснили многочисленными новостройками, а через поля крест-накрест раскину-

ли скоростные дороги, на которых с первого дня начали регулярно бить-ся автомобили. Чаще всего самые дорогие, у водителей которых было более чем достаточно бабок купить права и беспроблемно менять свое авто после первой же царапины.

— Где фотография твоей Марины? — это были первые слова Зои Витальевны в моей квартире, когда она с некоторым внутренним напрягом преодолела мой коридор, охраняемый тотемной семейной шкурой огромного бурого камчатского медведя.

— Убрал. Вчера.

— И стыдно не было?

Бегунок ее чемодана «вжикнул», как пуля у виска: Зоя Витальевна нежно достала портрет своего покойного мужа и бдительно оглядела на предмет возможных повреждений при переезде. Таковые не обнаружались.

— Сережа! Поставь их рядом.

В таких вопросах лучше с психологами не спорить.

За крылато распахнутым столом нас ждал праздничный ужин, исполненный стараниями вдовца: густое крошево утонувшего в фальшивом майонезе салата «Оливье» и куриные грудки, запеченные с последними остатками попавшего под наши ответные санкции литовского сыра Дваро.

Почему ни слова о спиртном в такую особую минуту? Из советской стройотрядовской жизни я и Зоя Витальевна навсегда усвоили заповедь: работать и веселиться по-трезвому.

Когда мы торжественно сели за стол, вдруг раздались, нарастая, знаменитые элегические аккорды шопеновского этюда «Нежность». В старательном исполнении Зоиногo японского смартфона. Для меня он в эту торжественную минуту прозвучал почти как свадебный марш Феликса Мендельсона. Кстати, брачующимся россиянам его подарил октябрьский госпереворот. С того времени народ-строитель социализма стал выходить замуж и жениться с помощью государственной регистрации. А в царской России признавалось лишь церковное венчание. Исходя из всего этого, вполне можно рассматривать марш Мендельсона еще и как богоборческое произведение. По крайней мере, после его создания в 1842 году автор вскоре умер...

— Слушаю тебя, мой золотой мальчик! — вдохновенно проговорила Зоя в микрофон вкрадчивым, поцелуйным голосом. Словно ведущая телепередачи «Спокойной ночи, малыши». Таких интонаций я за ней еще не знал. — Радость моя ненаглядная скучает по мне?! — в ее голосе продолжала нарастать яркая нежность, родственная женственному изяществу шопеновской «Нежности». Она же — «Сад Эдема».

— Где мой портрет, который ты так замечательно нарисовал? Тот, где я похожа на кубик Рубика?.. Он со мной. Нет, деточка, я не потеряла его. Я буду хранить его очень долго!.. Ох... Славик хочет, чтобы я никогда не умирала? И этот чудесный мальчик сегодня же спит из пластилина для меня таблетки вечной жизни? Ты — мой гений! Твои любимые шоколадные трубочки уже ждут тебя в холодильнике! Только не сердись на своих родителей, что они не дают тебе смотреть мультфильмы после двенадцати ночи! Потом дашь телефон маме, я популярно объясню ей, какой выдающийся сын у нее растет и как тебе правильно подстригать ногти!

Зоя чмокнула свой перламутровый мобильник:

— Славущка! Я желаю тебе очень доброй ночи! И чтобы никаких ужасных снов про темного человека из кладовки! Скажи маме, пусть чаще там прибирает!

Ее лицо раскраснелось вдохновенно свежо, лучисто. «Какая она красивая!» — с радостью признался я сам себе. Мой процесс влюбления в Зою усиленно продолжался. И кажется, конца-краю ему не будет. Словно я начал движение по бесконечной ленте любви имени уважаемых господ Мебиуса и Листинга.

— Это мой Славик позвонил... — окрыленно объявила Зоя Витальевна.

— Догадался... — хмыкнул я.

— Не сердись! Понимаю... — вздохнула она, молитвенно зажав мобильник в руках. — Лопочу несусветицу! Но несет меня, несет!.. И как иначе? Ты знаешь, что сейчас озвучил мой внук? Он будет до утра вместе с мультфильмовскими Фиксиками придумывать для меня таблетки бессмертия!!! Но когда сделает их, то обязательно поделится со всем человечеством!

— Какие таблетки? С каким человечеством?.. — затупил я скорее всего под расслабляющим влиянием давно забытого во вдовстве чувства застойной доброй сытости.

— Сейчас спрошу у Славика! — объявила она: — Да, деточка, поняла! Да, я так и скажу яде. Какому? Потом объясню... Прости... — Зоя победоносно повернулась ко мне: — Таблетки вечности для того человечества, которое за окном! Вот так...

Я несколько замороченно кивнул. Как хотите, но за моим, честно-пречестно, никакое человечество не просматривалось. Вообще за окном ни души. В Воронеже второй час ночи. Лишь курносая половинка унылой городской Луны, словно детское личико в профиль.

Что мне оставалось: позавидовать всевидящему Славичу?

«ПОЧИТАЙ ОТЦА ТВОЕГО И МАТЬ ТВОЮ»

Днями Зоя (само собой, с почтительной оглядкой на Фрейда и Юнга) набросала список тревожных вопросов, какие, с точки зрения современной науки о душе, чаще всего возникают к решившим пожениться пожилым (и не очень) одиночкам у их детей от прошлых браков: «Вам не поздно снова начинать половую жизнь? Что, еще не все силенки потратили на нас? Лучше дружите с Альцгеймером и игрой в лото! Как же ты (она) можете допустить, чтобы кто-нибудь вероломно занял место наших папы (или мамы)?»

И, наконец, самая болезненная тема: «Ради чужой женщины (мужчины) ты готов (готова) уменьшить нашу долю наследства и поломать нам счастливые планы на будущее после твоей смерти?! Неужели старческие плотские утехы важнее нашего молодого счастья?»

При ответе на эти вопросы либеральная психология постперестроечного общества считает необходимым для родителей в обязательном порядке стоять перед детьми навытяжку и согласно кивать всем их возражениям. Разрешается и даже приветствуется подобострастно, фальшивободренно улыбаться. Если же вы кондовые эгоисты и не готовы положить голову на плаху во имя счастья детей, вам остается ради бессовестного достижения узколичностного счастья, вдруг сдуру ума, забрезжившего в конце тоннеля, правдами и неправдами убедить детей, что ваш поздний

брак не является пропуском в вечную жизнь. Более того, истинно любящие супруги имеют необъяснимое наукой свойство умирать практически одновременно. Тем самым радостно избавляя детей от юридических хлопот с делом наследства.

Чтобы эта сакраментальная мысль не звучала голословно, Зоя предложила подтвердить ее свежим примером из Интернета. Ромео и Джульетта отдыхают.

«Трогательная история настоящей любви и верности произошла вчера в селе Истомино Аксайского района. Социальные работники, наблюдавшие за пожилой парой истоминских простых селян Павла и Анны Хмыз, во время очередного рейда нашли их бездыханные тела. Умершие старики лежали рядом на кровати и держались за руки. После экспертизы выяснилось, что сердца влюбленных перестали биться с разницей в пару часов. Первой умерла Анна Хмыз, ее супруг скончался к вечеру. По словам священнослужителя Аксайского Успенского храма, смерть в один день — огромная благодать для супругов. Такой участи достойны только те пары, которые прожили свою жизнь в любви и верности».

Как вам такая информация в век однополюсных браков и не менее странной любви между чиновниками и олигархами на фоне празднично цветущей коррупции?

У меня, честно говоря, от подобного самоубийственного проявления пожилыми селянами взаимной привязанности, в груди что-то болезненно поднапряглось. Зоя так даже всплакнула и как-то явно вне образа продвинутого ученого-психолога. Чисто по-женски. То есть с охами-вздохами, пусть и сдержанными.

Вскоре мы встретились с нашими детьми — мой Саша и ее Тоня. Я устроил всем нам прогулку по водохранилищу на теплоходе «Москва». Битый час мы с Зоей уныло глядели, как наши тридцатилетние отпрыски мгновенно превратились в самых настоящих детей. Я пожалел, что Лиза и Славик не видят сейчас этих великовозрастных балбесов типа родителей, которые детсадовски скачут по палубе, визжат и, вырывая друг у друга пакетики с чипсами, в прыжке кормят ими наглых чаек. Тонины пальчики с черно-белыми накладками при этом блистали, как клавиши концертного рояля.

Явно лишние на этом празднике жизни, мы с Зоей спустились в буфет. Я первоклассником плавал с родителями по Волго-Донскому каналу на таком же двухпалубном «речном трамвайчике». Вот как выглядел корабельный буфет гагаринской эпохи:

«Летняя утренняя Волга с ярким, парадно-белым кораблем на свежей и какой-то молодой после ночи воде. Мы на второй застекленной палубе, где празднично пахнет буфетом. Это запах выходного дня: запах театра, цирка или фойе кинотеатра — тех мест, где мы обычно бываем по воскресеньям. Корабельный буфет пахнет шампанским, пирожными и ветчиной. Вообще он с его ребристыми пирамидами шоколадных плиток и сладкими оазисами маслянисто-восковых тортов явно напоминает языческий алтарь гурмана с соответствующим языческим иконостасом».

Я не тайный адепт призрака коммунизма, но что мне думать, глядя, как сегодня на полках корабельного буфета рыночной эпохи уныло стоят латунные гильзы, начиненные искусственным пивным напитком, и лежат пахнущие соляжкой старые пирожки будто бы с картошкой и капустой, но на самом деле без ничего. И по цене, выросшей на расстоянии ста метров от берега уже втрое. А если мы еще отплывем?

В конце прогулки уже на сходнях Саша догнал нас и помог Зое сойти на причал. Собственно, мы без проблем могли справиться и сами. Так, играла легкая волна. Она смачно чмокала ржавый борт «речного трамвайчика», словно расцеловывала, радуясь благополучному возвращению старой посуды.

— Папа, Зоя Витальевна, спасибо за морское путешествие! — радушно, каждой черточкой лица, улыбнулся мой Саша, как только один он умел. — А что касается вашего предстоящего бракосочетания... Нас с Тоней это ни с какой стороны не напрягает. Были бы вы хоть немного счастливы. Знаешь, что я Лизоньке всегда говорю, когда она перед сном наминает канючить, что хочет почитать под одеялом? Почитай отца и мать!

— Знакомые слова... — усмехнулся я. — Кажется, так любила говорить твоя покойная бабушка Шура?

Зоя прижалась ко мне:

— Это пятая заповедь... Ветхий Завет. Почитай отца твоего и мать твою. Чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе...

ПИСЬМО С ВОЙНЫ

— А не пора ли мне познакомиться с твоим внуком?! — на днях решительно объявил я Зое. Щедро так произнес, с широкого разворота души. Мол, знай наших. Мне сейчас даже Юленька показалась бы замечательной девочкой. Почти уверен. А то, что плюнула в мою тарелку и налепила мне в туфли липкую жвачку, — так с кем не бывает, господа?

— А ты уверен, что тебе этого хочется?..

— Думаю, так будет правильно. Учитывая наше приближающееся бракосочетание.

— Но если Славик тебе не понравится? Как та твоя Юленька?

— Во-первых, не моя. Во-вторых, на этот раз мне отступать некуда. Я люблю тебя.

Зоя взволнованно улыбнулась.

Польщенный, я вызвался вынести мусор. На обратной дороге заскочил в магазин и купил ее внуку игрушечный автомат. Вернее, пластиковый бластер типа тех, что палят налево и направо в «Звездных войнах». Он угрожающе стрелял пучками лазерного красного света и садистски орал на весь магазин: «Фаер!!! Фаер!!!» Перевод этого слова, надеюсь, никому не требуется. Огонь войны, большой или малой, появляется над Россией с достаточной регулярностью.

Я чуть ли не с гордостью нес автомат к кассе. Расплачиваясь, озорно направил его на кассиршу. Вот где простор для психоанализа, чью бы методику вы не исповедовали.

Дома я заговорщицки поинтересовался:

— Зоенька, ты когда собираешься навестить своих ребят?

— Я у них почти каждый день бываю. А что?

— Хочу твоему внуку подарок передать. Типа почву подготовить для моей с ним встречи.

С этими словами я, как заправский Терминатор, продемонстрировал оглушающие и ослепляющие возможности китайской «стрелялки».

— Игрушек у Славы три короба, но оружие мы ему принципиально не покупаем, — строго сказала Зоя.

Мы с ней впервые оказались на разных полюсах. Она обняла меня:

мы оба с любовью глядели друг на друга, но оба не собирались менять свое мнение.

— Милая Зоя, — вздохнул я. — Можно мне написать реферат, зачем пацанам просто полагается играть с оружием?

Она чмокнула меня в щеку:

— Я знаю и помню, что ты воевал в Афгане. И все же, все же... Славик очень впечатлительный.

— Вместо пацифиста у вас может вырасти пофигист.

— Любимый Сережечка! Мы оба хорошо владеем искусством убеждения. Меня даже несколько раз приглашала полиция отговаривать самоубийц от последнего шага. За мной шесть спасенных жизней. Правда, ненадолго.

И я выслушал поучительную историю о том, как три дня назад отец Славика купил ему точную копию обреза знаменитого рычажного многозарядного «винчестера» образца 1887 года. Того самого ружья, коим победно колошматили врагов всех мастей в киношных передрягах Арнольд Шварценеггер, Николас Кейдж, Брендан Фрейзер, Дженсен Эклс и десятки других импортных знаменитостей из продвинутых вестернов и фантастических боевиков.

Паша тогда только что совершил успешную сделку. Состояться ей блистательно помогла, как всегда, талантливая подделка сертификатов на залежавшийся товар.

Преподнося Славику образец гениального боевого механизма от Джона Браунинга, отец был вдохновенно пьян. Однако на этот раз протрезвление наступило даже раньше, чем он принял контрастный душ и стакан воды из святого источника с пятью каплями нашатырного спирта. Сильнее всех этих радикальных средств оказалось внезапное, переворачивающее душу удивление Паши. Ничто до сих пор не производило на него такое восторженно-умилительное впечатление, как вдруг случившаяся немая сценка: его пятилетний «спиногрыз» (жаргон из босяцкого детства Паши), усердно сопя, запихал в дуло вороного ствола букетик пацифистски белых хризантем. «Мать!!! — вскричал всего лишь несколько часов назад оглушительно разбогатевший предприниматель провинциального розлива. — У нас что, какой-нибудь хреновой вазы нет в доме? Так я куплю!!! Хотите вазу из скифского золота?» — «Не хотим, папочка, — сказал на это Славик, строго покосившись на уже готовую заплакать маму. — Мне нравится, что я зарядил ружье цветами. Оно теперь не такое страшное. И никто из него уже не выстрелит».

— Братцы-кролики, я шалею! — воздев руки, Паша рухнул мощной спиной качка на вчера установленный в зале элитный белоснежно-кремовый диван LONDON, украшенный утонченно-фальшивыми стразами, — очевидный признак безудержно счастливой роскоши. Издав всеми своими механизмами и сочленениями, изготовленными в коммерческом воронежском подполье, гамму страдающих звуков, тот стойко выдержал удар, подтвердив ненадолго свое якобы итальянское происхождение согласно поддельному сертификату, приложенному при покупке к чеку в две тысячи триста реальных долларов по курсу на 31 августа 2015 года — 66 рублей 48 копеек.

Убеждать Зоя действительно умела. Или просто я с радостью согласался на все, что исходило от нее?

Как бы там ни было, через волонтеров бластер эпохи звездных войн в итоге оказался в детском приюте на Туполева у восьмилетнего беженца

из Украины Миши Мамонтенко, луганчанина. Если хочешь найти Бога, посмотри сироте в глаза... На днях я через тех же волонтеров получил от него короткое письмо. «Спасибо вам, дядя, за подарок! Только я скоро совсем вырасту, вернусь на Украину и мне дадут настоящее оружие, чтобы я мог отомстить за папу, маму и сестренку Олесю. Мы все цирковые были. В Киев на фестиваль ездили. Я уже мог на любой шпагат сесть и ухо пяткой почесать. Только теперь их никого нет в живых. Пошли они без меня к универмагу позвонить по мобильнику дедушке Василю в Харьков. Универмаг на холме, так что там связь лучше. Вообще они часто дедушке звонят. Все просят разрешить приехать к нему жить. Здесь нам всем больше мочи нет. Каждый день взрывы, взрывы... Папа говорит: «Живем как на передовой...» Но дедушка только злится и отказывается. Вы, мол, с москалями спелись, с агрессорами. Знать вас, вражин «колорадских», не желаю. В общем, там, на холме, в тот вечер много народу собралось звонить. А каратели прознали про это и в обход блокпостов ворвались в город на БМП. Да как начали всех из огнеметов палить и ругаться! Но что выкрикивают — не понять. Они в основном литовцы и поляки. Когда вырасту, я каждого из них найду и тоже огнеметом спалю за папу, маму и Олесю. Я так этого хочу, что у меня вчера даже седые волосы на чубчике появились. Наша воспитательница Светлана Сергеевна как это увидела, так на диван упала и к ней «скорую» вызывали. Ох, да некогда мне. Извините. Надо бежать на полдник! Есть хочу! До сих пор никак наестся не могу...»

Я это письмо приберегу. Для Славика? Скорее, для себя. Чтобы благодушно не расслаблялся в исторических глубинах и помнил, в каком веке живу и что за представители человечества подозрительно суетятся у меня за окном.

ПОЦЕЛУЙ БОГА

Как бы там ни было, моя встреча со Славиком вскоре состоялась. В последние выходные дни сентября мы никак не могли пропустить поездку на дачу по причине особой. В ночь на понедельник двадцать восьмого около четырех утра человечество ждало затмение суперлуны — тот пугавший наших далеких предков миг, когда ее серо-серебристый пятнистый лик вдруг тревожно заволакивает багровая муть. Ко всему Луна обещала в тот момент подлететь к Земле на самое близкое расстояние и блистать чуть ли не вдвое ярче. Последний раз мы с Зоей видели нашу столь масштабную небесную соседку на студенческой «целине» с крыши построенного нами свинарника в колхозе-миллионере «Заветы Ильича». Следующее суперлуние повторится лет эдак через восемнадцать. Само собой, независимо от цен на нефть, курса валют и того, кто станет очередным президентом Сирии или США.

— Давай возьмем с собой Славика?.. — аккуратно сказала Зоя.

— Какие проблемы?! — с радостью продемонстрировал я свою продвинутую толерантность в отношении существ детского возраста.

— Спасибо...

— За что?

— Просто «спасибо»... — вздохнула Зоя и как-то так по-особому внимательно поглядела на меня. Будто даже с некоторым сочувствием.

Меня ждало что-то неизведанное?..

По крайней мере, Зоя несколько смущенно предложила мне снять

шкуру медведя, но я толком не врубился в потаенный смысл этих слов и вообще скоро о них забыл.

Славик оказался нормальным пятилетним дитем: разве что так худ, что почти тощ, костью наделен явно тонкой, а на голове среди светло-серых волосиков две пепельно-кремовые пряди — такое вот генетическое «мелирование» в отличие от ранней «мужской» седины луганского «фронтавика» Миши Мамонтенко.

— Это поцелуй Бога... — перехватив мой взгляд, благоговейно проговорила Зоя. — Он таким родился. Врач говорил, будто все до года должно пройти. Да вот же... Только мы не горюем. Лермонтов в «Герое нашего времени» писал, что это признак породы. Другие видят в такой метке знак особенного и счастливого человека.

Славик напряженно вздохнул и вдруг юркнул за бабушку.

— Здорово, пацан! — радушно воскликнул я эдаким славным дядькой Черномором, удалым великаном.

Славик молниеносно присел на корточки и вертляво спрятал голову между своих коленок.

— Стесняется... — нежно усмехнулась Зоя.

Ее внук строго засопел, почти как мой дачный ежик.

— Слава, поедешь с нами суперлуние смотреть?

Упертое молчание. Славик затаился, словно исчезнув, как мультфильмовская Маша, напаялившая шапку-невидимку.

— Я тебе в телескоп дам на звезды посмотреть!

Это уже был серьезный посул. Чуть ли не на уровне шоколадного «киндер-сюрприза».

Однако в ответ ни с того, ни с сего раздался тонкий, тщедушный плач. Он явно принадлежал Славiku. Побежал плач ручейком, переблескивая слезинками. По сравнению с водопадом ора моей Лизоньки это было ничто, но все же, все же...

— Чего это он?.. — смутился я.

Зоя подхватила внука на руки. Он уже успел каким-то образом обреться с головы до ног. Даже на ботиночках мерцали «глазные капли»:

— Его пугают неизвестные слова! Он не знает, что такое телескоп...

— Знаю! — вдруг прорычал Славик. — Я просто писать хочу...

Он сделал настороженный шаг в сторону туалета, словно в той стороне его могла ждать встреча со всеми ужасами мира.

Да, они уже там!!! Вон когти чьи-то жутко блеснули! Какая зубастая пасть! Огнем пылает!!!

Славик с визгом прижался к Зое, как влип в нее. Будто хотел спрятаться внутри бабушки.

— Там!!! В темноте!!! Шевелится!!!

— Что шевелится?! — невольно насторожился я.

— О-о-о-н!!! — зажмурился Славик и отчаянно оцепенел.

С помощью поцелуев в одной ей известные особые места на лице и головушке внука Зоя лучше всякого Кашпировского сняла у него судорожное перенапряжение.

— Птенчик мой милый...

Вы не поверите, но я, включив свет в коридоре и туалете, принялся совершенно серьезно оглядывать здесь каждый угол в поисках Страшно Жуткой Опасности. Как тот капитан-особист из КГБ, который в бытность мою в брежневскую эпоху машинистом сцены гарнизонного Дома офицеров, бдитительно курировал эту культурно-массовую организацию, пропах-

шую кирзовыми сапогами. Перед партийными конференциями и съездами он осматривал в актовом зале все ряды кресел, трибуну, будку суфлера и оркестровую яму. Капитан сам, не доверяя мне, акробатически забирался на пыльные колосники над сценой. Ни взрывчатка, ни снайперы ни разу им обнаружены не были. Только однажды измученному «особисту» на десятиметровой высоте попался похмелявшийся электрик Иван Максимович, пятидесятилетний старик в моих глазах. Тот сидел эдаким Цезарем, завернувшись по-древнеримски в багряный бархат занавеса. Перед ним на передовице газеты «Правда» — водка «Московская» с козырьком из фольги за 2 рубля 87 копеек, шестикопеечная городская булка с поджаристым гребешком и сочный, перламутровый окорок «Воронежский» — знаменитый поныне, но, как и все теперешние продукты, потерявший напрочь аромат и в значительной степени вкус. Особист, по словам Максимыча, дерябнул с ним «сотку», по-мужицки аппетитно закусил, ломко, мощно работая челюстями над сизо-жемчужной сладкой свиной косточкой, и на прощание благодушно повелел «особливо тут не шуметь».

Так вот дознание и следственный эксперимент, проведенный мной по горячим следам, убедительно показали, что Славика испугала распятая у меня в коридоре та самая медвежья шкура — бурая, с рыжеватым отливом. Под оскаленной мордой висела на ленточке, как спортивная медаль, убойная свинцовая пуля «жакан» — это она разорвала некогда сердце Потапыча. Изыщные костяные дуги его когтей словно еще были полны азартной жажды мстительной схватки.

Я запоздало вспомнил, что возле нее даже многих взрослых мужчин охватывала почтительная робость: у них тотчас тайно включались забытые детские страхи. А у женщин начинались какие-то глухие эротические фантазии на тему лесной встречи Маши и медведя.

В зависимости от моего отношения к гостям, я кому-то представлялся удачливым стрелком с брендом Тартарена из Тараскона, кому-то говорил правду — куплена Мариной с рук у цыган. Но и тем, и другим я зачем-то обязательно рассказывал отцовскую охотничью байку из бытности его командиром авиаполка на Камчатке. Над ней никто кроме меня не смеялся. Всех охватывало состояние знобкого страха.

...Как-то раз поехали доблестные камчатские пилоты на «Шишиге» (всепролазный военный ГАЗ-66) в тайгу зимой брать медведя. И мой родитель с ними азартно наладился. Добрались до берлоги, начали нетерпеливо будить мишку пестами. А когда тот с ревом объявился на белый свет, кто-то один лишь успел пальнуть, да и то мимо, а остальные вояки — бегом назад, к машине. Само собой, и мой родитель. Доскакал до «газона», прыжком перемахнул в кузов... А там уже лежал, стиснувшись, кто-то из самых резвых на ногу охотников: как позже выяснилось, начальник штаба, Герой Советского Союза, заваливший тридцать семь «мессеров». И заорал этот небесный ас дурниной под батыными медвежьими восьмью пудами: «Я не стрелял!!! Я не стрелял!!!»

Я рассказал эту историю Славике. Чтобы через смех помирить его с Косолапым. Еще я надеялся на благожелательную профессиональную реакцию Зои на такой мой свежий подход к воспитательно-патриотической теме. Само собой, фразеологию для истории про мишку я использовал с учетом Славиных пяти лет, а интонацию выбрал доброй мудрой сказки, учащей любви к животным.

Не оценив моих педагогических стараний, Славик озаренно восклик-

нул, возможно, даже затмив знаменитый вопль «Эврика!», с которым когда-то выскочил из ванны Архимед:

— Ка-ка-а-а-ть!!!

Закрыв ладонью глаза внука, Зоя быстрым шагом провела его в туалет мимо моей тотемной шкуры. В охранительном присутствии бабушки Славик, упоенно напевая мультяшный гимн Фиксиков, с удовольствием исполнил все свои насущенные желания.

«Я ЛЮБЛЮ ВАС, ЗВЕЗДЫ!»

Мы приехали на дачу на закате. Я так специально подгадал. Мне радостно встречать или провожать Солнце. Горизонт напоминал склон голубоватой горы, а над ней короной стояло невиданное тройное светило. Словно из его переливчато блистающего диска неведомым образом родились еще два таких же сияющих, огнистых отпрыска. Подобный акт солнцетворения называется паргелием — это один из видов гало, благодаря которому создается иллюзия того, что на небосклоне пылают несколько светил.

— Солнце радуется, когда видит меня! — гордо объявил Славик. — Мы с ним хорошо дружим.

Произнеся торжественный панегирик, Славка тревожно замер: он «усек» в кустах высокой оранжевой рудбекии моего седого ежика Борьку.

Визгливо хихикнув, Славик метнулся к нему. Когда их разделял один шаг, мой старина, презрительно хрюкнув, сноровисто исчез в густой цветочной поросли.

На даче на каждом шагу вас ждут замечательные поводы к приятным многоступенчатым размышлениям. Вот где есть пространство вольно растечься мыслью по дереву. Скажем, та же рудбекия *fulgida var sullivantii*. С виду банальный цветок, хотя немцы неспроста мило называют ее «солнечной шляпкой». При всем при том родом она из Северной Америки, где кто-то из первых поселенцев (явно с испанскими корнями) в порыве нежности дал ей имя «Черноглазая Сюзанна». Рудбекией постановил быть этому цветку сам великий и несчастный Карл Линней в честь своего учителя и друга — шведского ботаника Олафа Рудбека. Карл отписал ему по этому историческому поводу с истинной величием гения, временно посетившего людей для наведения среди них маломальского порядка: «Для увековечивания славы имени твоего я назвал ее *Rudbeckia*, по власти всем ботанистам, следовательно, и мне предоставленной. Она должна соделать имя твое бессмертным и гласить о нем пред царями и князьями, пред ботаниками и врачами, пред всеми людьми, так что если мир весь умолкнет, то Рудбековы растения будут гласить о нем, доколе не пройдет природа». И вот уже ассоциативные пути-дороги ведут ищущий истины неутомимый разум к судьбе и делам этого профессора Упсальского университета, известного еще как первооткрывателя в 1653 году лимфатической системы человека и ко всему прочему пра-пра-прадеда Альфреда Нобеля.

Славик обиделся на неуловимого ежа и, показав ему язык, переключился на соседского жутко интеллигентного красного ирландского сеттера по кличке Рич. Этих дружелюбных, аристократически плоских собак с прекрасными манерами сейчас в основном заводят не для охоты, а для игр с детьми. Рич благородно ринулся к Славике, и это было его самой большой ошибкой. Внук Зои поначалу попытался накормить его вино-

градом, упорно заталкивая кислые ягоды незрелой Изабеллы между тесно сжатых слюнявых клыков. Потом он решил его оседлать, далее — натравить на ежика. И загнал псину до изнеможения, заставляя его раз за разом кидаться за палкой в донские пенистые волны.

Спасла дачную флору и фауну от Славика вдруг рухнувшая нам на головы плотная, звездоносная тьма.

В конце сентября в наших краях Млечный путь как никогда великолепен. Когда у тебя над головой провисает его глубокое, словно дымящееся звездным туманом вселенское русло, на него хочется молиться.

Даже Славика это мощное явление притормозило.

— Ух, как звезды раскинулись... — строго вздохнул он, потряхнув своей «меченой» головушкой. — Их так много! У звезд что, праздник?

— Да, мой золотой... — тихо, как в храме, проговорила Зоя.

— А какой?

— Тот, что ты к ним приехал в гости.

— Как здорово! — подпрыгнул Славик. — Спасибо! Я люблю вас, звезды!!! Все-все-все!

— Как быстро похолодало... — вздохнула Зоя.

— Через пару дней октябрь, — уточнил я и вдруг театрально воздел над собой руки, словно собирался что-то или кого-то ухватить. — Вот это да! Такая звездица сейчас сорвалась! Смотрите!!! И еще!..

— Не звезда, а метеорит... — хмыкнул Славик.

— Верно, парень. А ты знаешь, что если успеть загадать желание, пока он еще не сгорит, то оно сбудется?

— Что-то слышал... — покачал он ногой, похожей на тростинку. — Так нам Наталья Васильевна говорила, воспитательница...

— Она у Славика самая авторитетная и любимая! — несколько ревниво уточнила Зоя. — Когда у Натальи Васильевны отпуск, так она ему весь этот месяц снится...

Зоя пригнулась ко мне:

— Я видела, как он иногда целует ее на их общей детсадовской фотографии...

— Я все слышу! Она хорошая!!! Да-а-а!!! — пронзительно объявил Славик и вдруг запрыгал на месте. — Успел! Успел! Успел желание загадать!

— Какое? — обняла его Зоя, словно прикрывая собой от холода: утонченная щуплость внука делала его беззащитным перед донской сыростью.

— Хочу сразу стать взрослым!

— Молодец... — усмехнулся я. — Но лучше все-таки не торопись. Ведь по неофициальной статистике человек в нашей стране живет всего восемь лет. Семь до школы, и один год после пенсии. Ладно, идемте в дом! Иначе окоченеет. Наверное, туман на Дону поднимается...

— Что-нибудь поешь? — поцеловала Зоя Славика.

— Что-нибудь не хочу... — строго поправил он ее. — И вообще я сейчас решил, что уже многого в своей жизни больше не хочу. Но особенно — не хочу учиться.

— Почему? Ты же умный мальчик? — Зоя с мимолетной укоризной взглянула на меня.

— Это конец детства... — вздохнул Славик и заплакал.

Я почувствовал себя чуть ли не «врагом народа». Воистину сказано в Библии: «Кто хранит уста свои и язык свой, тот хранит от бед душу свою». Я как всегда вспомнил это слишком поздно.

Славик успокоился так же быстро, как и начал «капать».

— У меня больше нет сил ни на что... — печально признался он. — И куда я только их израсходовал?

— Ты узнал на даче много нового! — поцеловала его Зоя. — А это очень трудная работа — постижение мира.

— Уже почувствовал на себе... — вздохнул он. — Столько умного на меня враз навалилось! Лопнуть можно. Я бы не вынес долго такой жизни. Узнавай и узнавай! Я узнал ежика, собачку, звезды, а еще двух женатых муравьев — они все время бегали вместе! Когда отдохну как следует, напишу обо всем этом стихи.

Славик устало упал перед стулом на колени и со вздохом положил голову на его красное бархатное сиденье, как на плаху.

— Иди на кушетку! — Зоя поцеловала его в затылок, тоже награжденный особенной, загадочно глубокой ложбинкой — проблемой всех парикмахеров Славика.

— Так это еще надо идти, чтобы лечь... — обессиленно промямлил он.

Зоя с вдохновенным торжеством отнесла его на постель. По ее улыбке при этом было нетрудно понять, что с такой ношей она готова и планету без напряжения обойти.

«Кровавую» Луну мы благополучно проспали. Явно «перекушали» здешнего снотворного воздуха — напористая донская вода стремительно несется по древнему донному песку возрастом эдак около трехсот миллионов лет, рождая таинственно живительные первозданные ионы. Может быть, даже те самые, которые дали начало всему живому на планете.

Я вновь ждал яростных слез Славика, пропустившего самую яркую за тридцать лет Луну. Однако и на него целительная донская ночь подействовала положительно: он был с утра покладист и углубленно вдумчив, так что не по годам мудро рассудил насчет упущенной встречи с суперлунием:

— А когда оно еще будет?

— Через тринадцать лет, — многозначительно вздохнул я.

— Сейчас мне пять... — деловито задумался Славик. — Всего пять... Я еще ребенок...

Он зажмурился и начал сосредоточенно, с мистической важностью считать вслух цифры. Умел, парень! Словно считал ступеньки лестницы, по которой шагал в будущее.

— Шестнадцать... семнадцать... восемнадцать! — топнул своей ковриной ножкой Славик. — Ого! Вот здорово! Только вас жалко... Станете совсем старыми...

Он развел руками:

— А мне как повезет! И суперлуние, и совершеннолетие сразу! Вот сколько радостного. Наталья Васильевна (с особенным удовольствием, словно смакуя, проговорил Славик ее имя-отчество) сказала, что я тогда уже смогу сам выбирать президента страны, водить машину и жениться. Вот только на ком? На бабушке теперь нельзя. Она — занята. Наталья Васильевна тоже замужем. А у мамы есть папа... Везде пролет. Придется поломать голову. Эх, я, несчастный мужик!..

Он огорченно заскрежетал своими хилыми молочными зубками-временщиками.

— А почему они называются молочными?! — вдруг радостно озарило его. — А не кефирными? Или йогуртными?..

От трудного вопроса Славика нас спас приезд Паши на новом белоснежном «Мерседесе», словно завернувшим сюда прямо с автовыставки: Женевской или Нью-Йоркской, никак не менее того.

— Папочка, а в городе сейчас Луна есть? — наморщил носик Слава.

— Куда она денется...

— Вот проблема... Как же она может быть одновременно и там, и тут?

У нее что, нет своего постоянного места? Так и перелетает вслед за нами?

— Ну, ты достал меня, пацан... — усмехнулся Паша. — Это пусть тебе бабушка объясняет! Она обожает твои заумные вопросы. А сейчас бегом в машину.

Паша нырнул в эксклюзивное нутро «мерса» с таким видом, словно нетерпеливо сбежал из нашей интеллигентской бессмысленной обыденности в особое привилегированное пространственное измерение его величества Бизнеса.

— Как он тебе? — тихо сказала Зоя, когда породистый «мерс» великолепно взял дорогу, щедро продемонстрировав нам всю свою мощность и успешный драйв.

— С Юлькой не сравнить. Она — атак девчонка. Но твой Славик тоже скучать не дает.

— Я о зяте спросила.

— Это человек с лицом владельца «Мерседеса» последней модели, — усмехнулся я одной левой щекой — и это было похоже на нервный тик.

Я — позавидовал? Это вам явно показалось, господа. Просто я впервые увидел вблизи того человека, которому четко известна наша новая секретная национальная идея: вместо быдловской веры в светлое будущее всего человечества, которое за окном, он успешно и креативно исповедует священный принцип: «ничего личного, только бизнес».

...ТАК РАНО УМИРАТЬ

Утром вторника, когда я читал нашим глубоко озабоченным народными бедами депутатам мейнстримную лекцию об экзистенциальных истоках казнокрадства среди воронежских воевод XVII века, мобильник принял эсэмэску Зои: Паша убит — неизвестные застрелили его возле офиса.

Тамошняя камера слежения с объективом, забрызганным снежинками голубиных экскрементов, худо-бедно запечатлела всю эту уголовную суету высокооплачиваемых «мокрушников» с пальбой из автоматов и садистским контрольным выстрелом в голову. И теперь чуть ли не каждый час телевизионщики старательно прикармливали этой сценой свою скучающую телеаудиторию, словно совершали мистическое жертвоприношение во имя всемогущего Рейтинга.

...В гробу я не узнал Пашу. Черты его молодого, сыто-счастливого и, простите, наглого лица стали неузнаваемо суровы и исполнены достоинства разве что римского императора, того же, скажем, Тиберия, Клавдия или Нерона, если судить по их скульптурным портретам. Не исключено, что он был кем-то из них в своей прошлой жизни. Но за некие грехи вновь оказался приговорен к 35-летнему заключению на Земле и воплощен в облике владельца выставочного «Мерседеса». Только вместо царственного золотого венца на лбу покойного лежал бумажный православный венчик. И какая-то дама оставила на нем шокирующий публику след дерзко алой мерцающей губной помады. Возможно, его любовница, иметь которую Паше в обоих смыслах этого слова полагалось по факту присутствия в рейтинге провинциальных миллиардеров. Зоя и Тоня косметикой не пользовались.

Вот такой вот сэнсел, Паша, говоря компьютерным языком...

Я сложно отношусь к людям, нарушающим закон. Хотя не исключаю, что когда-нибудь на новом витке нашего социально-экономического развития подделка сертификатов будет торжественно легализована во имя дальнейшего процветания частного сектора. Как это произошло не так давно после аннигиляции СССР с веселой, озорной профессией спекулянта-фарцовщика.

На похоронах Славик так и не дал подвести себя попрощаться к гробу отца. Зоя решила поднести внука на руках, но он заверещал громче Витаса, так что его пришлось спрятать в машине. Там он тотчас затих, воткнувшись головой под своего большого плюшевого зайца Степашку. Славик каждый день мерялся с ним ростом, но все никак не мог догнать его 140 сантиметров. Слава без Степашки не ел, не спал и даже не смотрел мультфильмы. Поэтому купание внука Зои всегда проходило под аккомпанемент его сердитого, гневного рева — ведь во время этой процедуры Степашка там однозначно отсутствовал во избежание намочания.

Я шел бросить свою горсть земли на крышку мерседесоподобного сияющего саркофага Паши, когда случайно увидел, что в Зоиной KIA на заднем сиденье торчат из-под плюшевой махины Степашки две тонкие бледные ножки Славика. Как мартовские картофельные ростки в сыром подвале.

— Ты уже простился с папой? — траурно вздохнул я.

Раздалось кашляющее, придушенное хрипение. Славик судорожно засучил ножками, как прижатый ногтем паучок-сенокосец.

— Идем-идем, малыш, — построжел я.

— Страшно...

— Вот еще... С какой стати?

— А вдруг папа меня с собой заберет?.. Я не хочу так рано умирать! У меня даже детство еще не закончилось... — съежился Славик и хлюпнул носом.

— Простудился? — посочувствовал я.

— Ничего страшного. У меня насморк одной ноздри. Это пройдет в два раза быстрее.

БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЙ ПОТОК СОЗНАНИЯ

Поминки прошли в два захода. Пятикомнатная квартира покойного позволяла всем сесть вместе одновременно, но Зоя и Тоня так уж решили — вначале Пашины друзья, партнеры по бизнесу, чиновники, журналисты, среди которых вполне мог быть и заказчик убийства, а потом — свои, только родные.

Все это время я на кухне мыл посуду. Между делом насчитал, что мне за мою жизнь почему-то на поминках приходилось бывать чаще, чем на днях рождения. Этим я ничего не хочу сказать. Что было, то было. Слушалось и на такой тризне оказаться, где после печальных речей в честь покойного как-то сами собой начинались танцы и песни — про «синий, синий иней» или разных там удалых хасбулатов.

Наши поминки завершились явлением следователя. Пока он исполнял свои шерлок-холмсовские обязанности в связи с гибелью Паши, Зоя села возле меня, зажав ладошки между коленей.

— Набегалась? — тихо сказал я.

— Все нормально... — машинально качнулась она вперед и назад. —

У меня к тебе просьба, милый. Ты не будешь против, если Славик пару дней поживет с нами?

— Какие проблемы?

Зоя как-то так особенно внимательно поглядела на меня, словно не понимая, как могу я так легкомысленно рассуждать.

— Ты еще не знаешь Славика...

— По-моему, мы достаточно успели с ним пообщаться. Нормальный пацан для его пяти лет.

— Это пока он только приглядывается к тебе.

— Да ладно! Пусть. На здоровье... — усмехнулся я.

Dictum factum.

Дома я на всякий случай снял со стены шкуру медведя.

Ужинать никто не стал. Я хотел включить Славика мультфильмы, но Зоя взяла это на себя.

— У него есть свои любимые. На другие — аллергия. До истерики.

Зоя принялась бдительно искать во вселенной кабельного телевидения «истинный» мультик Славика. Он, забравшись в пещеру моего огромного, глянцево-черного кожаного кресла, напряженно, весь вытянувшись тонкой былинкой, на пределе внимания кураторски-строго наблюдал этот процесс. Словно решал ни много ни мало вопрос жизни и смерти.

— Ну его! Не то! Не хочу! Это я видел тысячу раз! Надоело! — брезгливо комментировал он сменявшиеся на экране кадры. И даже применял такие убойные фразы: — Это вовсе ненаучно!

В зависимости от объявившегося мультика по его лицу пробегала целая гамма противоречивых чувств: от глухой скуки, уныния и раздражения до яростного восторга. Нельзя было не заметить, что он каким-то внутренним чутьем стремительно идущего нам на смену поколения раздраженно отвергал мультики нашей советской поры типа «Аленького цветочка» (кстати, нежно любимого Зоенькой). Монстров и чудовищ Славик восторженно обожал, но все-таки на первом месте у него были чудакватый Лунтик и надоедливо дотошные Фиксики.

При виде их суетливой писклявой бригады, озабоченной очередным ремонтом какой-нибудь электрической зубной щетки, Зоин внук благоговейно цепенел. Как в нирвану впадал. А когда Фиксики начинали петь своими мышинными голосочками, Славик с криком на все пампасы «Супер-пупер!!!» тотчас зачарованно присоединялся к ним:

— А кто такие Фиксики — большой, большой секрет!

Он пел, ритмично раскачиваясь из стороны в сторону и при этом дирижируя азартными взмахами рук. Со стороны казалось, что он вдохновенно медитирует.

— Славик, творожок будешь?! — с надеждой приступила к нему Зоенька.

— Нет!

— Это твой любимый. С грушей.

— Не-е-е-т! За-ма-ха-ли!

Однако полнейшей неожиданностью для меня стала загадочная особенность Славика не умолкать с утра до ночи. Он, типа казахского акына, поющего обо всем том, что видят вокруг его глаза, непрерывно говорил как с живой, с окружающей действительностью. Перед таким «трепом», созидающим бесконечные словесные гирлянды, бледнел даже поток сознания романов Джеймса Джойса или Вирджинии Вулф. В течение дня Славик вслух общался сам с собой, с игрушками, тапками, ком-

натными цветами, тьякающей за стеной соседской собакой, облаком в небе и так до бесконечности. Одним словом, он вдохновенно контактировал со всем живым и неживым, что его окружало, включая человечество, которое за окном. Хорошо, что внук Зои пока еще ничего толком не знал про потусторонний мир, иначе бы тогда, как говорится, «хоть мертвых выноси».

Итак, вот вам живая сцена. Я уперто наигрываю в две руки на клавише компьютера партитуру очередной лекции, Зоя у плиты творит манную кашу, а Славик небрежно фланирует по комнатам, задрав подбородок размером с наперсток, и бесостановочно плетет какую-то замысловатую нить из глубин своего пятилетнего подсознания: «Я боюсь привидений... Я состою из мяса... Когда вырасту, стану коровой... Хочу давать много-много молока... Опять Луна в небе... Ей некуда деться?!. Что за царапина на моей руке? Комарик ночью ножкой зацепил?.. Почему ночи теплые? Ведь Солнца в это время нет?.. Заряжу пистолет добрыми мыслями и буду во всех стрелять ими! Чтобы люди только о хорошем думали, чтобы им лучше спалось... Эх, так сложно быть королем — все время надо сидеть на троне, приемы, обеды... Я бы не вынес такой жизни...»

— Кажется, он у тебя уже вполне освоился, — нежно и с явным удовольствием вздохнула Зоя. Чуть ли не как партактивистка Катя при виде Юленьки, заботливо кормящей из моей тарелки своего грязнущего трехпалого медвежонка. Кстати, всякое отклонение Славика от сверхвозбужденности в сторону покоя мгновенно вызывало у Зои нервное опасение, что ребенок заболел. В самом деле, стоило ему затихнуть, как она бросалась целовать его лобик: нет ли температуры?

Затихнуть? Да откуда я такое взял? Нет, это понятие явно не про Славика. Оно, черт подери, не имеет никакого отношения к нему. Если у этого представителя человечества по какой-то мистической причине отключался поток сознания, он тогда полуобморочно лежал, завернувшись с головой в одеяло, и попеременно то скулил, то рычал или скрипел зубами.

ВРЕМЯ СМОТРЕТЬ СНЫ

У моего детства было много преимуществ перед тем, какое выпало на долю Славика. Мое — пацанское, уличное. Его — сугубо квартирное и детсадовское. Я в пять лет играл в «пристеночку», «царя горы», запускал змеев на лугу и держал голубей — три самых настоящих белых турмана полгода ворковали под кроватью в моей комнате, пока я однажды не бросил их в небо, где моих птиц тотчас перехватила чужая раскидистая пестрая стая.

Слава дома мучительно перемогался. Зато в детском саду был самым рьяным исполнителем тамошнего распорядка дня.

Последнее время Зоя особенно старательно оберегала меня от «потока сознания» Славика и его мультипликаторского фанатизма: нашим думцам предстояли очередные выборы — это хуже пожара. Партийные списки изучались как некогда сводки с фронта, кандидатуры рассматривались только что не на детекторе лжи, а слоганы к листовкам вычитывались с тщательностью, которой не предъявляли к своим произведениям даже классики нашей литературы.

Достали и меня; я плотно засел за лекцию о нравах и взглядах первых российских депутатов Екатерины Великой. Пока мысли шли хорошо, плотно. Эдакие резвые, бодрые. Одним словом, *carpe diem*.

Я работал, тщательно заткнув уши бумажными салфетками. Обязательно, чтобы они были слегка влажными! Тогда верткий визг Славика едва доставал до кончиков моих обнаженных нервов.

«...Меж депутатами тотчас началась в словах и действиях такая срамота, что маршал Бибииков, едва перекричав разгорячившихся стервецов, зачитал особое распоряжение: «Господ депутатов отныне рассаживать на таком расстоянии, чтобы ни один не мог до другого доплунуть или в лицо кулаком сунуть!» Слава Богу, просторность зала заседания Комиссии исполнить такую меру вполне позволяла...»

Вдруг Зоя наклонилась и что-то прокричала мне. Я на всякий случай улыбнулся и погладил ее по руке. Нежность для нее всегда была во мне.

И тогда Зоя сказала еще громче:

— Тоня уехала в Москву!

Я почти понял ее.

— Надолго? — отозвался, глядя в потолок.

— Даже не знаю...

— Так что из этого? — сдержанно вздохнул я. — Ей чем-то помочь надо?

— Только тем, что потерпеть Славика до ее возвращения...

Я не сразу заценил эту фразу. Возможно, все-таки помешали бумажные кляпы. Я вытащил их с таким видом, с каким человек в эпицентре ядерного взрыва вынужденно снимает с себя противорадиационный свинцовый костюм.

Славик сердито вцепился в Зою и укусил ее за руку.

— Я по маме скучаю! Сговорились! Вы ненавидите меня! И Степашка меня ненавидит! — заверещал он и внезапно исчез. Как переместился в иное измерение. Словно продемонстрировал нам эффект «нуль-транспортировки» по методике братьев Стругацких.

— Нет, ты такое не сможешь долго вытерпеть... — тихо сказала Зоя.

— А у меня есть варианты?.. — вздохнул я.

Славика мы нашли не сразу. Не так велика моя квартира, вернее, она вовсе даже мала, будучи типичной «хрущевкой» образца гагаринского 1961 года, однако у внука Зои была природная способность уникально затаиться. Этому еще способствовала его худоба: став к вам боком, он практически исчезал «с радаров».

На этот раз «убежищем Монрепо» ему послужил мой огромный платяной шкаф — раритет сталинской эпохи, который в те годы ошибочно, но так изысканно красиво, импортно называли поэтическим французским словом «шифоньер». Производное от chiffon, то бишь тряпка, лоскут. Еще с тех пор в нем стойко сохранился едкий, ядовито-бледный запах убийцы моли, красных кровяных телец и обоняния на уровне профессионального дегустатора — ароматического углеводорода нафталина.

Славик стоял в этом мертвешном аромате с болезненно сморщенным от напряжения личиком и держал перед собой яростно сжатые кулачки. То есть он приготовился мужественно вступить в сражение с Бабайкой, привидениями и даже с Великой Ужасной Темнотой, в которой он своим особым детским зрением явственно видел живущие в ней своей страшной жизнью разные разности, словно с хохотом сгустившиеся из мрака.

— Выходи, Леопольд, подлый трус... — виновато усмехнулся я.

— Осторожней... Слава уже хочет спать... Я по морщинке на лбу

вижу... — тихо, трепетно проговорила Зоя. — Только он всегда этому желанию дико сопротивляется. Он почему-то боится засыпания. Путает его с умиранием...

Славик заплакал так взвинченно, что мне стало не по себе. словно шифоньер оказался на самом деле самой настоящей «Комнатой ужасов», собравшей в одну кучу все его страхи.

Кто-нибудь из вас знает, что это такое — уложить спать пятилетнего ребенка? Оказывается, таких много. Но вы никогда не проделывали эту процедуру с нашим Славиком. Поэтому все ваши якобы знания могут быть с ходу мной решительно подвергнуты сомнению или вовсе отброшены за их опрометчивую наивность. Вы, ясное дело, ни с чем более сложным, чем чтение ребенку на ночь сказки, не сталкивались. Вы вообще, простите, полный профан в этом глобальном вопросе.

Собираясь спать, взрослый человек производит немало разнообразного шума, включая глухие покашливания, хриплые вздохи и хлесткие щелчки нездоровых коленных суставов, похожие на пистолетные выстрелы. Но всему этому более чем далеко до того апокалипсического шума, которым взрывается Славик, получив самый ненавистный ему приказ — «Спать!»

Я каждый раз мысленно извиняюсь перед соседями, когда начинается его очередное судорожное продвижение в сон. Биоэнергетика Славика явно зашкаливает и становится неуправляемой, как плазма при термоядерном синтезе на нынешнем слабосильном уровне развития науки.

— Славик, пора сны смотреть. Иди руки мыть... — осторожно проговорила Зоя.

— Не надо мне, — ответ резв, неотразим, как хук от плеча.

— Почему?

— Я их потом сто раз заражу микробами, пока дойду из ванны до дивана. Они так и кишат вокруг меня. А когда я засну, всей толпой полезут в рот уничтожать мои зубы кариесом!

Зоя старательно вытерла влажной салфеткой мини-руки и мини-ноги внука, с явным очарованием любуясь этими хилыми детскими телесными прибабасами.

— Спи, мой золотой.

— Не хочу! Мне ужасы будут сниться!

— А я тебе добрую-предобрую сказку расскажу.

— Про петушка, котика-братика и лису?

— Как ты догадался?

— Не хочу! Неправда! Котик и петушок не могут быть братиками... — поморщился Слава. — Я лучше королем побуду перед сном!

Вскочив, он с пафосом обвинил себя розовой простышкой на древнеримский манер. Устав властвовать, Славик с помощью той же простышки превратил себя в летящую птицу. А накинув ее на голову, объявил себя «девушкой!» При этом он блистательно, словно перед публикой на подиуме, неотразимо продемонстрировал нам свой правый, а потом левый профиль и топнул своей комариной ножкой:

— Хочу замуж!

Поскользнулся и полетел на пол. Многоступенчато: кувырок, кульбит передний, задний и боковой — все эти и иные акробатические манеры никак не способны передать витиеватую сложность траектории его падения. Она напрочь опрокидывала закон всемирного тяготения Исаака Ньютона.

В любом случае, удара о паркет не было. Если Славик своим замысловатым полетом отменил действие только одного постулата природы, то Зоя у меня на глазах реально повергла ниц всю их совокупную множественность.

Она совершила вместе с внуком почти весь его невероятный полет, как бы страхуя мальчишку, а потом, резко ускорившись, уверенно приземлилась с опережением и приняла Славика на свои руки. Кстати, ненамного менее тонкие, чем у внука. И он лег на них, словно перышко на подставленные лодочкой ладони.

— Славик у нас будет летчиком! Или как дедушка Гагарин — космонавтом! — уже несколько устало проговорила Зоя.

— Нет!!! Не желаю! — зарычал он, хрустко скрипнув своими яркими молочными зубками. — Это опасные профессии. А жизнь и без того коротка!

Зоя тревожно посмотрела на меня.

— Сереженька, это не мои слова. Я такого никогда ему не говорила.

— Понятно. Ты у меня мудрая. Явно в садике это ему надули в уши. Они там друг друга черт знает чему учат! — поспешил я успокоить ее. — Вон уже о перемене пола задумался.

Славик запросто понял меня.

— Это я просто так сказал! Расфантазировался.

В общем, прежде чем заснуть, Славик нашел еще немало причин, чтобы обойти стороной постель. То она холодная, то горячая или в ней паук сидит! Бывает, вдруг хитро, догадливо пискнет: «Есть хочу»... Ведь он прекрасно знает, что у бабушки против такого его оружия нет никакой защиты. Оно действует на нее неотразимо. Да и как может быть иначе, если вдруг сам просит еды тощий ребенок, которого обычно никакими уговорами, угрозами и кулинарными изощрениями не заставишь это сделать. Как я успел убедиться, кормление Славика ничуть не проще усилий по его запихиванию в пространство сновидений. Ибо на еду он смотрит (по выражению наших отцов) «как Ленин на буржуазию». Скажем, желая порадовать бабушку, Славик с утра спросонья радостно делает ей заявку насчет манной каши с малиновым вареньем, а как она, глянцево блистая, появится перед ним во всей своей красе с пылу с жару, так вдруг его что-то начинает корчить и морщить.

Наконец, загнанный на диван под одеяло, он вроде как закрыл глаза. Минута, другая... И вдруг некая еще не израсходованная неистовая сила подкидывает его вверх. Он взлетает как на воздушной подушке, очевидно нарушая все, что надули нам в уши про законы природы три самых известных члена Лондонского Королевского общества по развитию знаний о природе — Ньютон вкупе с Эйнштейном, включая нынешнего Хиггса, с его недавно открытым на Большом адронном коллайдере бозоном, прозванным ни много ни мало частицей Бога.

В общем, Славик с хохотом булгаковского кота Бегемота завис над постелью. Его поза напоминала отрешенно левитирующего мага с перекрещенными на груди руками. Название этого мистического эффекта, кстати, произошло от латинского *levitas* — легкость. Чем-чем, а уж этим качеством наш худышка Славик обделен не был. Человек, который легче перышка...

И тут меня озарило: я вдруг романтично почувствовал себя словно вернувшимся на миг в далекие мои солдатские годы и воплотившимся в образ дневального по казарме.

— Ро-о-от-а-а! — рывкнул я на всю нашу «хрущевку». — От-бо-о-о-ой! Славик завизжал от радости.

— А можно еще раз?..

— Отбой! — грянул я.

Славик радостно улыбнулся, упал на постель и мигом затих. Отключился как его любимый робот-болтун Фунтик при истощении батареек. Забегая наперед, скажу без ложной скромности, что уже на следующую ночь мое педагогическое ноу-хау не сработало.

Но сейчас мы с Зоей были просто счастливы. Честное слово. Она так даже перекрестилась.

— Неужели заснул?..

Мы оба недоверчиво нагнулись над Славиком со всей возможной на то аккуратностью.

Глаза закрыты, дыхание ровное.

— Он часто так борется со сном? — взволнованно проговорил я.

— Если в садике поспит, то и дольше, — судорожно усмехнулась Зоя и вдруг закрыла лицо руками. Так обычно делают, чтобы скрыть слезы.

Я обнял ее.

— Продержимся, милая.

Она отозвалась не сразу:

— Не обольщайся, Сережечка...

— Мы найдем достойный выход. Ты же у меня Умная!..

— Не люблю простецкие шутки... — вздохнула Зоя. — Да, Умная. Приходится оправдывать фамилию. Не больше того.

ПИСАЮЩИЙ МАЛЬЧИК

Итак, я рядом со Славиком словно стал жить в ином, параллельном мире. Хотя это мягко сказано. В перпендикулярном, господа!

Мой прошлый, ветхий родительский опыт оказался сегодня практически бессилён. Прежде всего, за истечением срока годности. По моей квартире отныне шастал представитель нового поколения, в котором я, честно говоря, разобрался гораздо хуже, чем даже в компьютерах и прочих модных гаджетах. Вернее, вовсе не разобрался. Конечно, можно было бы все проблемы свалить на Зою Витальевну, но я, увы, несмотря на торжественное шествие по планете новой религии однополых браков и пересадки гениталий, продолжал нагло оставаться конкретным мужиком, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Когда-то мы, уличные пацаны, оставляли за порогом дома всю свою неумную энергию в забавах, даже одни названия которых нынешней младости вовсе неизвестны: «Царь горы», «Городки», «Штандер», «Жожка», «Пристеночка», «Бе-бе», «Салочки» и так далее до бесконечности. Само собой, включая мою самую клевою «Кавалерию», в которой мне одинаково нравилось быть и конем, и всадником. После таких игр мы дома уже не ночевряжились с едой, потому что напрочь не хотели есть... Мы хотели жрать! Хоть что! А засыпали, не успев раздеться... Даже не помня про разбитый нос или губу.

Относительно «Кавалерии» я сейчас не могу сдержаться, чтобы не восстановить отдельным файлом добрую память об этой сугубо мальчишеской, ни с чем несравнимой игре. Девчонки в ней могли быть только зрителями, но чаще всего играющие старались и вовсе обходиться без их присутствия — никому не нравилось, что они могут увидеть твое поражение.

Игра эта всесезонная, но как-то так всегда складывалась, что мы увлекались ей чаще всего летом. Обычно для «Кавалерии» нужны практически все мальчишки двора, но никак не меньше 8–10 человек, а также просторная травянистая лужайка, желательно поросшая «спорышом», — он стелется по поверхности, почти прилипая к земле. Начинаем игру с того, что мы, яростно споря, делимся на «красных» и «белых», но еще сложнее нам было определиться, кто станет «конем», а кто — «кавалеристом». Ведь каждому так хочется быть на верху положения... Наконец, все определено: «кони» азартно срываются с места, а высоко сидящие на их плечах кавалеристы вовсю гикают и свистят. «Смешались в кучу кони, люди»... Кавалеристы схватываются руками друг с другом, пытаясь один другого стащить с коня. Кулаки пускать в ход нельзя, кусаться и плевать запрещено. А в это время кони не просто топчутся, пошатываясь под сражающимися наездниками, а тоже худо-бедно принимают участие в битве — таранят противника корпусом, брыкаются «копытами» и ставят друг другу ловкие подножки. Над поляной визг, вопли, кровь и сопли...

Было ясно одно: моя привычная жизнь, с ее устоявшимся ритмом и распорядком, отныне канула в небытие, как некогда великая Атлантида «за одни ужасные сутки».

Нам с Зоей не только пришлось отменить толком так и не начавшийся медовый месяц, но вместо этого еще и стать продвинутыми знатоками мультфильмов и овладеть эзотерическими тайнами кормления, купания и усыпления отныне живущего рядом с нами маленького сверхсуетливого человечка, враз установившего в нашей молодой семье мондиалистскую систему своего доминирования. Даже, поверьте, с более крутой иерархией, чем та, которую навязали Западной Европе американцы, восторженно влюбленные в свою особую исключительность.

Любой наш с Зоей взаимный интерес приводил худосочный комочек Славика в состояние истерического страдания и воинственной ревности, иногда завершавшейся самыми настоящими судорогами, конвульсиями или даже обмороком.

Тем не менее, я долго не решался спросить мою Зою Витальевну, когда боги наконец просят к нам милость и Тоня вернется. Но очень хотелось. Очень, поверьте. Я был готов поставить свечку, и не одну, за скорейшее прибытие в наш славный Воронеж мамы Славика.

Какое-то время я был уверен, что мне удастся скрывать от Зои свой этот нынешний внутренний раздрай, и я достаточно убедительно выгляжу в ее глазах практически счастливым человеком. Или почти счастливым. Я старался не замечать, что мои лекции в вузе стали короче и скучней, что на экзаменах я стал со студентами как никогда придирчив и раздражителен. В Думе все мои познавательные-исторические лекции отныне вызывали у депутатов разве что оскомины, которая никак не способствовала их деятельной заботе о народном счастье: я прочно оседлал темы мздоимства воевод, казнокрадства в «приказной избе», поддельного дворянства и тайной продажи туркам русских девок и мужичков. Иными словами, обращался с почившей в бозе старушкой-историей как выдавший виды патологоанатом, озабоченный лишь поверхностным установлением причин смерти.

В итоге мой давно забытый армейский гастрит начал свежо напоминать о себе. В свою очередь, на лице Зои я стал моментами замечать то взволнованное напряжение, какое вызывает у человека внезапная сердечная боль.

Однажды мы среди дня столкнулись с Зоей в поликлинике, куда пришли негласно друг от друга. Я — мужественно глотать желудочный зонд, она — сделать наконец кардиограмму.

Сосредоточенно отсидели ее очередь, потом мою.

Вдруг Зоя бдительно посмотрела на часы:

— Славик уже обедает!

— Как же его там умудряются кормить?.. — дерзко хмыкнул я, представив, как заведующая, воспитатели, шеф-повар и даже охранник, бывший афганец, истинный вояка, — все с тарелками, мисками и любимым Славкиным стаканом с сосательной трубочкой (обязательно бледно-розового цвета!) взволнованной стайкой трепетно порхают вокруг презрительно усмехающегося Зоиногу внука.

Зоя Витальевна строго, почти гордо посмотрела на меня:

— В садике он ведет себя идеально. Там все не нарадуются на него. Самый послушный и старательный мальчик.

Я мудро вздохнул.

Через минуту Зоя вдруг снова проговорила, точно навигатор в автомобиле:

— Славик пошел спать.

— «Мертвый час»? — поморщился я. — Представляю, какое Ледовое побоище он там сейчас устроит.

— Повторяю, воспитатели ставят его всем в пример. А час покоя называется «тихим». И не пугай меня больше таким своим жутким старорежимным «мертвым часом»!

Я недоуменно пожал плечами.

— Вы оба, господа, ошибаетесь! Мне сын четко объяснил: сейчас принято говорить — «Час-сон»! — с современными деловыми интонациями поправила нас обоих молодая соседка, спортивно развернувшись в нашу сторону. Это явно была некая бизнес-леди, судя по ее приверженности к точности формулировок. При этом у «леди» было такое сосредоточенное выражение лица, что нельзя было не понять: и она отсюда, кроме всех прочих своих активированных миллионов сделок, еще и «ведет» на расстоянии каждый детсадовский шаг своего сына. Почти как спутник, который висит над Землей в состоянии неослабного дозора за вверенным ему секретным объектом. Разница заключалась в одном: Зое помогала добрая интуиция, а бизнес-леди — навороченный айфон — или смартфон? Я в них однозначно не разбираюсь. Гаджет, как теперь принято говорить. Кстати, вслушайтесь в него. Таким словом, честно говоря, что-то хорошее не назовут.

«А не перейти ли мне на работу в детский сад к Славке?.. — дерзко подумал я, размышляя, как помочь Зое. — Скажем, буду читать им лекции о том, как в восемнадцатом веке в Воронеже дворянских детей, заботясь об образовании народа, водили в школу с солдатами?! Чтобы мальцы в лесу не попрятались от ненавистной и никчемной им грамоты...»

— Сереженька, я давно вижу, как тебе нелегко с моим внуком... Прости... — шепнула Зоя и погладила меня по руке.

Я ответил ей тем же...

Неужели мои мысли так очевидны и читаются на лице, словно титры на телеэкране?

— Не беспокойся, Зоенька, — тихо ответил я. — Мои внутренние резервы не столь скудны. В армии я перед дембелем за полгода начал протыкать в календарике иголкой каждое минувшее число. В ожидании Тони я этого пока еще не делаю.

Я демонстративно изобразил благоприятную расслабленность. Будто я безмятежно подремываю. И тотчас поплатился за это неожиданным видением на грани полубреда-полусна: словно сквозь дымку я отчетливо увидел напротив себя... писающего мальчика. Но вовсе не того скульптурного облика, что стоит на площадях ради политкорректности в Брюсселе или том же Каунасе. Этот был как живой. И струйно писал в мою сторону. Блаженно зажмурясь. Его закорючка не по-детски напористо работала. Он стоял, гордо отклячив кулачок голой задницы и дерзко уперев руки в боки, что-то мечтательно выглядывая на потолке. Это был Славик. Или очень похожий на него мальчик. В этом возрасте они почти все на одно лицо.

Зоя бережно прикоснулась лбом к моему плечу:

— Я сегодня утром звонила Тоне... Она приедет не скоро... Если приедет вообще. У нее нет сил жить здесь после гибели Паши...

Мы какое-то время сидели молча. Словно с надеждой ждали озарения свыше. Я бы предпочел вообще не слышать сказанных сейчас Зоей слов. Даже если для этого потребовалось бы заглушить их грохотом готовящегося ко сну Славика.

— Я все понимаю, Сережечка... Еще неделя и мой внук, не дай Бог, доведет тебя до инсульта. Если не раньше... — печально продиагностировала меня Зоя. — Но чем помочь тебе? Давай мы со Славиком переберемся ко мне?..

— Бесплезный вариант. Я же люблю тебя... Вот этим пока и спасаюсь. Аки серна от тенет, и яко птица от сети.

— Про благие намерения тебе напомнить?.. — бережно улыбнулась Зоя.

— Озвучиваю правильный перевод этой поговорки: «Ад вымощен добрыми намерениями!» Сия мудрость четырехсотлетней давности принадлежит поэту-метафизику Джорджу Герберту. И подчеркиваю: в ней сказано, что вымощен ад! А про дорожное покрытие в это далеко не самое лучшее место во Вселенной гораздо позже придумал некий путаник.

— Так что ты этим хочешь сказать?

— Ничего особенного. Просто по большому счету на нашем пути, как говорится, «мин нет». Поэтому смело дай мне свою руку. Нас ждет дорога. Но она далеко не в ад. В общем, прорвемся. Мы просто обязаны это сделать.

— Во имя человечества, которое за окном?

— Что-то вроде того...

Я ВДРУГ ЗАПЛАКАЛ...

Ничто, наверное, не приходит так внезапно и не производит такой переполох в семье, как детская болезнь. Более того, иногда даже кажется, что мамы и бабушки ей по-особенному рады. Ведь это для них как еще одна очевидная возможность достигнуть высшего внутреннего уровня чадообожания и бескрайней всезаботливости.

Поэтому не раз бывало: среди ночи Слава вдруг кашлянул — дитячья слюняшка не туда в горле юркнула, или слишком резко вздохнул. А Зоя тотчас уже стремительно подхватывается, на бегу включает свет всюду, где только можно. Спросонья мне кажется, что он вспыхивает везде одновременно, словно это наглядный действующий макет рождения нашей Вселенной методом Большого взрыва.

И вот уже тростинка-Славик у нее на руках: гнется туда-сюда, как испуганно забуксовавший паучок в чреве ванны в миг приближения роковой волны его Всемирного потопа.

— Что с тобой? Что?! Славушка! — Зоя встревожена не на шутку. — Ты заболел? Открой ротик!

Славик догадывается, что у него появился железный шанс не пойти в детский сад и весь день до осатанения смотреть вертлявых, надменно-гундосых любимых Фиксиков. Он пускает слезу и начинает вдохновенно кашлять, кашлять... Кашлять до задыха, надрывно. И вот его уже реально рвет. Теперь он стопроцентно останется дома с «баушкой-баушкой-баушкой»...

Только в этот раз все выстроилось по-настоящему: с утра Славик был тих и бледен, не разбрасывал игрушки, не рисовал на обоях и не пел гимн Фиксиков, передвигая по дверце холодильника пестрое стадо разноцветных магнитиков. Более того, он как-то боязливо посматривал на нас с Зоей своими точно бы вспотевшими, мутными глазенками.

— Золотой мой, ты не заболел?.. — перехватила она такой его чуть ли не сюрреалистический взгляд. — Сейчас поставим градусник! Где градусник? Сережа, ты не видел градусник?

Его маленькая стеклянная торпеда, лихорадочно проблескивая густо-серебристым ртутным столбиком, загадочно проплыла в руке Зои сквозь утрениый болезненный сумрак квартиры. Она словно точно выискивала цель.

Славик зажмурился, наморщив нос. Это почему-то была самая противная для него тема — измерение температуры. И это было самое ненавистное для него слово — «градусник». Заполучив его под мышку, он уже через минуту начинал страдальчески верещать:

— Уже сто лет держу ваш гадкий термометр! — сверхболезненным голосом принимался канючить Славик, словно ему занозу загнали в одно место.

Уж эти эгрегорные тайны детского мироощущения...

Измерение температуры — это всегда в некотором роде колоритная мизансцена с волнующим сюжетом и неожиданным финалом. Нередко мистическим. Во времена оные градация степени нагрева человеческого тела лежала в пределах понятий «горячо», «тепло», «холодно». Первым эту процедуру переместил в область научной точности итальянский титан эпохи Возрождения Галилео Галилей из Пизы («А она все же вертится!»), когда придумал, кроме всего прочего астрономического, поэтического, механического, философского, еще и термоскоп. А вот термометр в его нынешнем виде вручил цивилизованным народам купеческий сын, немецкий физик Даниель Фаренгейт, а шкалу — швед Андрес Цельсий, опять-таки астроном и ко всему еще геолог, метеоролог.

Я сверхбережно принял из рук нешуточно взволнованной Зои скользкую изящную колбочку, созданную усилиями трех гениев трех веков, как будто в ней была запаяна не блескучая капля ртути, а тайна здоровой жизни Славки, как спрятанная в яйце смерть Кощея Бессмертного. Памятуя реакцию Зои на «мертвый час» в детском саду, я тем более не стал озвучивать эту свою болезненно изошренную ассоциацию.

Аккуратно подойдя к свету, я строго взгляделся в бледно-мерцающую ртутную струйку. Она грозно упиралась в роковую сорокоградусную черту. Я недоверчиво повертел бдительный прибор. Показания были непоколебимы.

На этом мои функции завершились. Зоя решительно отодвинула меня в сторону.

Все дальнейшие действия она страстно взяла на себя. И ей удалось невозможное: практически одновременно вызвать «скорую», позвонить в Москву Тоне и дать Славику лекарство — некий сироп «Нурофен Плюс» в разнеможной рекламно-навязчивой яркой коробке.

В моем детстве меня капитально лечили каменным мерзко-белым норсульфазолом, сына я врачевал тошнотворным тетрациклином из мрачного темно-зеленого пузырька. А тут — сироп! Не лечение, а просто какой-то поход в кафешку. Может быть, в нынешних аптеках даже имеется лекарство от глистов с розовым клюквенным мороженым или гамбургер-толстячок а'ля «Макдональдс» как средство от поноса?

Славика и Зою без промедления забрали в больницу. Она собралась так скоро, словно все нужные для этого вещи, продукты и прочее всегда находились у нее, как у кадрового офицера, под рукой в некоем «тревожном» чемоданчике.

Вначале мой «француз» уверенно держался у «скорой» на хвосте, хитрованом пробиваясь через уличные пробки под прикрытием ее тревожной сирены и не менее тревожной красно-синей мигалки: снопами своего блестящего света она словно разгоняла перед собой призраки сытого равнодушия к чужой боли. Однако не зря говорится, что на чужом горбу в рай не въедешь. В конце концов на одном из перекрестков, где сбились в стадо внедорожники дерзко-высокомерных водил с купленными правами, меня так-таки отсекли.

Я едва нашел нужную мне больницу, скромно притулившуюся на склоне одного из семи холмов, на которых издревле стоит Воронеж. Казалось, ее столкнули на обочину жизни поднявшиеся вокруг дородные особняки приснопамятной всем воронежцам «Долины нищих» с провинциально-мещанским представлением ее жителей о современной архитектуре. Помогло сориентироваться лишь то, что во младенчестве я тоже провел в этой больнице отведенный мне судьбой срок. С подозрением на холецистит, оказавшийся в итоге обманным симптомом банальной ангины.

Так что еще в приемном отделении во рту у меня ностальгически появилось бледное послевкусие здешней бессмертной творожной запеканки с каштановой корочкой, которую я когда-то так любил уминать в палате с молоком матово-синего нищенского оттенка. Зато натуральным на все триста процентов.

С первого взгляда здесь практически ничто не изменилось. Разве что появилась новая вывеска в духе языковой стилистики сегодняшнего особо изоциренного бюрократизма — БУЗ ВО ОДКБ. Нашему поколению памятно имперские сокращения недавнего прошлого, жутковато леденящие кровь индивидуума в зависимости от меры его диссидентской фронды, — НКВД, МГБ, КГБ, МВД, КПСС, ВЛКСМ. Самым сильнейшим было убойно краткое, похуже на щелчок револьверного курка, — ЧК! Нынешние аббревиатуры (от лат. *brevis* — краткий) похожи на некий эзотерический код. Их сегодня нет только на синих передвижных городских туалетах-пеналах. В общем, увидишь какую-нибудь буквогидру ФГ БОУВПО Ф или даже куцее ГОС ВО, а то еще некое милейше-тупое ЕГРЮЛ — так тотчас трепетно понимаешь, в каком сложном, многомерном мире живешь эдаким пришибленным девиантом. Вернее, проживаешь. С разрешения и под бдительным приглядом этих секретных АБВГДЭЮЯ.

Когда я приехал на место, Зою и Славика уже оформили и разместили.

Несмотря на аббревиатурную страшилку на входе, в больнице работали живые люди, а не обитатели некоей абстрактной планеты БУЗВО-ОДКБ. Пока врач осматривал Славика, они оба весело общались как занятые приятели. А наперекор расхожим мифам о скудно-убогом больничном рационе здесь вкусно пахло явно сочными «правильными» котлетами и матовым густым «пюре» с прозрачным лучком, отдававшим ароматом осенних маслят.

Расцеловавшись на прощание с Зоенькой, ободряюще потрепав голову строго стоявшего навытяжку Славика, я со странным чувством вышел на улицу: я вдруг пронзительно почувствовал себя одиноким. Словно на раз оказался на далеком Плутоне, доставленный туда знаменитым аппаратом New Horizons, современным аналогом пушечного ядра, на котором путешествовал барон Мюнхгаузен.

Или меня занесло даже в самую преисподнюю?..

В дряблой городской темноте зигзагами порошил мелкий редкий снег раннего октябрьского предзимья. Вертикальные тени прохожих судорожно колебались в белесой мути. Они тянулись вверх по краю холма, а казалось — медленно, утомленно летели во вселенскую неизвестность, как люди на полотнах Шагала.

Неожиданно мир перевернулся, словно чтобы возвратить меня к его суровой реальности и истинным координатам событийности. Ноги судорожным взмахом оказались на месте головы, а она с нутряным арбузным треском шмякнулась оземь.

Боли, спасибо, не было. Было ошеломительное, почти радостное, даже праздничное ощущение идиотизма внепланового купания в студеной осенней грязи в австрийском светло-зеленом классическом тренче: двубортном, с погончиками и отложным воротником.

Достукался, добегался, досуетился, вляпался.

Нелепость произошедшего словно бы засвидетельствовала, что я, по всей видимости, сбился с предназначенного жизненного пути и забрел невесть куда.

Словно спровоцированные ударом о землю, тяжеловесные глухогрозотные (по выражению Джеймса Джойса) мысли посыпались на меня, как некогда на человечество из ларца Пандоры все его лежавшие под спудом до поры до времени несчастья и беды. Только в мифе по воле Зевса на дне тайника все же осталась некая «надежда». Меня же, по всей видимости, и ее лишили...

«Во что я вляпался по самое не балуй?.. — уныло думал я, лежа навзничь на сочном черноземе почти в удобной позе. — Зачем мне все эти сложности со Славиком?.. Я с боку припеку всему этому. Я хотел и хочу прожить с Зоенькой свои последние годы мирно и тихо. Мне покой нужен! Господа... Товарищи! Братцы! Народ! На помощь...»

Я вдруг заплакал. Вернее, начал умеренно слезоточить. А осознал это я, когда почувствовал, что мои напомаженные хладным черноземом щеки вдруг стали нежно теплеть.

«В этой жизни даже быть единожды счастливым — непомерная роскошь, а ты захотел этого дважды? За чей счет, господин вдовец? Держи карман шире...» — приосадил я себя как бы от имени некоего Всевидящего Ока.

Где-то через неделю я привез домой Зою и Славика. Часа два он угрюмо и меланхолично складывал нечто из деталей конструктора и тотчас разрушал, складывал и разрушал — с угрюмой, злой улыбкой американского кинозлодея. Он был явно не в своей тарелке — как видно, давали знать о себе точечные узоры от уколов и разлука со страстно любимыми игрушками.

Может быть, он и по мне там скучал?..

Я промолчал на эту тему, чтобы меня не засмеяли.

Зоя сварила манную кашу с орехами и изюмом, но Славик есть не стал. Даже с ложечки. Даже когда Зоя стала перед ним на колени.

— Ты же голоден! Мой золотой!

— Пошла куда подальше ваша гадкая каша! — демонстративно задрожал Славик и по охватившему с недавних пор их детский сад поветрию повернулся к нам спиной и похлопал себя по своим ягодицам, каждая размером с дольку абхазского апельсина. Именно абхазского.

Я давно не слышал звук крови, шумящей в голове. Это достаточно яростный, клокочущий звук.

Я как на автомате, не понимая, зачем и для чего, шагнул к Славику, рывком приподнял за шиворот и смачно шлепнул по игрушечному подобию заднего места. Всего один раз, господин высший судья!

Славик затрепетал и словно потерял сознание от злости, перехватившей ему горло.

Я попытался мысленно оправдать себя тем классическим примером, когда в далеко не поэтической «Педагогической поэме» Макаренко, великий мэтр воспитания невоспитуемых, влил отменную затрепщину Задорову, доставшему его своей интеллигентной наглостью. И хотя эта пощечина навсегда пресекла дерзость колонистов, сам Антон Семенович с тяжелым сердцем потом всегда видел в ней не только преступление, но и крушение его педагогической личности и созданной им системы.

Зоя с бледным, отсутствующим взглядом бережно отнесла враз притищенного Славика на диван. Как тяжелораненого. И сама рухнула рядом с ним. Кажется, она едва сдерживала слезы. Точнее, самые настоящие рыдания.

Я ушел в другую комнату, прижался лбом к холодному окну и сделал вид, что гляжу на улицу. Не видя, однако, ни зги. Там словно бы стояла настоящая «тьма египетская». На самом деле, фонари горели бодро и даже с ликованием: желтые пузыри этих солнышек романтично искрились в дискретных дождинках октябрьского сеянца. Мне же глаза застила темная завеса.

Постучала Зоя.

— Сереженька, Славик спит...

— Ясно, — сказал я голосом человека, виноватого во всех бедах человечества. Того, которое за окном...

— Мне так неловко перед тобой.

— Я сам хорош.

— Мы достали тебя. Прости... Разве такой жизни для себя ты хотел, когда мы первый раз ехали к тебе на дачу? Давай мы со Славиком пожием у меня до возвращения Тони...

— Я не желаю муссировать эту тему! — заговорил я почти круто, чуть ли не как самый настоящий мужик. — Знаешь, я все еще не хочу с тобой расставаться, — почти дерзко заметил я, уперто глядя во «тьму крошеч-

ную» за окном, а на самом деле — внутри самого себя: — У меня такое ощущение, что тогда обрушатся все наши надежды...

— Кажется, все к этому идет... Тоне предложили в Москве перспективную хорошую работу. Очень хорошую.

— Позволь мне догадаться на раз-два. Может, в Министерстве обороны?

— Горячо...

— Что же ты молчала? И каким образом на твою дочь такая манна небесная просыпалась?

— Пашины сослуживцы по Чечне поднапряглись. Кстати, эти люди уже вышли на след того, кто заказал моего зятя...

— Зоенька, принеси мне, пожалуйста, тонометр... — сказал я извиняющимся голосом.

Да, жизнь сложнее всяких схем. «Терпение — прекрасное качество, но годы наши слишком коротки, чтобы долго терпеть», — часто любила говорить моя мама Татьяна Яковлевна. Эти слова были не только ее спасательным кругом, духовным кредо, но и ключом ко многим тайнам человеческой природы. И хотя первым их произнес сирийский ученый и энциклопедист Абу-ль-Фарадж бин Гарун, он же христианский епископ Григорий, сын крещеного врача-еврея Аарона, жившего в Турции в XI веке, я считаю, что их истинное понимание принадлежит только моей маме. Многоуважаемый Абу-ль-Фарадж бин Гарун, он же отец Григорий, так ты и сейчас не отказываешься от своих слов?

Тьма перед глазами никак не расступалась. Лишь приоткрылась тонкая щелка, словно чтобы я мог сквозь нее злопыхательски подглядывать за несчастьями этого мира, в том числе и своими собственными. Но мне сейчас почему-то больше хотелось дерзко пойти им навстречу с поднятым забралом. Сразу предупреждаю, что всякие возможные ассоциации с Дон Кихотом Ламанчским в моем случае неуместны. Хотя бы потому, что я вовсе не хитроумный. Иначе бы, господа, не оказался в том положении, в каком теперь был.

Тонометр хладнокровно показал у меня самое что ни на есть игрушечное давление: 60 на 40.

— Я вызываю «скорую»!.. — глухо вскрикнула Зоя.

— Перебьюсь... — вздохнул я. — Дай, пожалуйста, полрюмки коньяка и шепотку соли.

— Может, дольку лимона? — напряглась Зоя. — Царская методика.

— Спасибо за нее Николаю Второму, но мне — соли! И только соли.

Зоя взволнованно кинулась все это искать, но она вроде меня как ослепла от волнения. К тому же кухня вдовца со стажем — это самая стоящая провальная яма. Если не «черная дыра» в миниатюре.

— Прости, Сереженька, я напрочь забыла, где у нас соль!..

Мне все-таки удалось встать. Более того, сделав шаг-другой, я удивленно усмехнулся. Оказывается, ты испытываешь весьма любопытное ощущение, когда одной ногой как бы уже стоишь на том свете, — вес твоего брэнного тела почти исчезает, и ты вдруг чувствуешь невесомую легкость собственной души. Если она у тебя, конечно, есть.

По «дороге» на кухню я, преодолевая головокружение, наклонился над Славиком. Он не спал. По-моему, он вел с собой какой-то напряженный внутренний разговор, зажав уши ладонями, чтобы ничто не отвлекало его. Судя по наморщенному лбу, разговор был нелицеприятный.

Я машинально поправил на нем одеяло.

«Эх, мужик...»

КУСОЧЕК СОЛНЦА

Наверное, надо быть Макаренко, чтобы одной пощечиной повернуть в нужную сторону поведение отпетых сорвиголов и беспризорников. Или наш Славик круче их всех?..

Как бы там ни было, но уже вскоре по комнатам вновь зазвучал его поток сознания. Только теперь Славкины интонации стали настырней и самоуверенней: «Я победил! Что хочу, то и буду делать! Не нужна мне ваша каша! Видел я ее в гробу! Приготовьте мне суп так же вкусно, как в садике! Мыть руки не стану! Чистить зубы противно! Буквы запоминать не желаю! Читать учиться я не хочу — это губит во мне детство!»

Говорят, Господь посылает нам испытаний не больше, чем мы можем вынести. Так что судьба, наконец, поступила со мной в русле этого высшего принципа. Я получил шанс на передышку. Может быть, даже спасительную: на днях мне прислали из Министерства образования и науки приглашение принять участие в конце октября в двухнедельном экскурсионном туре по Европе: Париж, Берлин, Варшава. Своего рода грант от организаторов прошлогоднего симпозиума в Польше по эпохе российской Смуты. Я там выступил вне программы с сенсационным докладом о тайной причастности Бориса Годунова к организации похода на Москву Гришки Отрепьева. По моей версии, маниакально подозрительный царь решил так с помощью разведки боем выявить своих врагов. Но спецоперация вышла из-под контроля: оказался непрямой российский эффект — хотели как лучше, а получилось как всегда. Вжившись в роль царевича Дмитрия, Гришка замахнулся на своего венценосного учредителя.

Поездка предполагалась вместе с супругой.

— А как же Славик?.. — виновато смугилась Зоя.

— Вариант с Тоней-сиделкой, как я понимаю, исключается?

— Целых две недели!.. Нет, она никак не сможет. Придется тебе ехать одному.

— Только вместе.

— Не настаивай... Когда ты говорил о туре, у тебя был такой солнечный голос!

— А какой у меня обычно?

— Лунный, Сереженька.

— Милая моя психологиня, а короче — просто богиня. Мне без тебя даже еда в рот не лезет. Кстати, смутно помню, что в эпоху СССР мы с Мариной несколько раз отдавали нашего малого Сашуленцию в какой-то там круглосуточный садик. Разве такие ныне перевелись?

— Успешно почили в бозе. Вместе с десятирублевой квартплатой и самым дешевым в мире шестнадцатикопеечным бензином.

— Просто караул!..

Зоя взяла мобильник и набрала какую-то Тамару.

Я приложил палец к губам.

— Не паникуй! Она обязательно разрулит нашу проблему.

Зоя торопливо шепнула мне, что Тамара умеет найти выход из самых, казалось бы, непростых ситуаций. И как она только могла о ней забыть? Тамара — просто палочка-выручалочка, но не сказочная, а оваянная современной мистикой. Чем она занимается в миру — неизвестно, только ежегодно Тамара ездит в Тибет. Вернее, как она говорила, *ТОТ* зовет ее сам.

И разговор состоялся. Просто-таки на высшем уровне. Возможно,

даже на том самом, на котором находится никем не покоренная знаменитая тибетская гора Кайлас с ее Главным Зеркалом Времени, будто бы руководящим течением земных веков и судьбами человечества, живущего у Славика за окном.

Как бы там ни было, в этот же вечер мы с Зоей и ее каким-то на этот раз вовсе не взбалмошным, но даже торжественно-строгим внуком уже сидели в жарко протопленном русской печью доме бездетной семьи Потаповых: сорокасемилетние Оля и Николай. Она болезненно-худенькая, сутуловатая и почему-то в больших, шаркающих шлепанцах. Николай — плечистый, рослый и какой-то словно отчужденно сонный. Плюс ненавидяще глядевшая на нас пятицветная кошка с тремя вертками, прыгучими котятками, юркая ручная белая мышь с клюквенными глазенками и трусливая хромая дворняга на сносках. Густо пахло борщом со старым ржавым салом и толченым чесноком. В красном углу вперемешку с бледными серыми родительскими фотографиями висели большие темные иконы, святые лики которых глядели так взыскательно строго, что, входя, нельзя было не перекреститься, хотя я в чужих домах делать это обычно сдерживался, тем более прилюдно.

— Итак, вы хотите, чтобы ваш внук недели две пожил у нас? — наконец деловито, вдумчиво спросил Николай, положив на стол обе свои худые жилистые руки потомственного столяра. На правой у него вместо мизинца, большого и безымянного пальца злыми гномиками торчали три культи отечно-красного цвета.

Увидев их, Славик внезапно побледнел и у него, кажется, на мгновение пресеклось дыхание.

— У-тю-тю-тю!!! — заодно ткнул Николай Потапов оставшимися пальцами в сторону Зоиною внука, словно большой длинной вилкой с двумя зубцами, которой удобно достать приглянувшийся кусок даже с самой с дальней тарелки.

Славик не шелохнулся, только скрипнул зубами: «Вжик!»

— А из него толк будет... — вздохнул Николай, хотел было погладить Славика по голове рукой-вилкой, да что-то передумал.

— Коленька, можно и я скажу? — с нежной тревогой пискнула Оля, и ее узкое длинное лицо покрылось тонкими морщинками, словно грозя рассыпаться на мелкие части. — Зоя Витальевна, Сергей Владимирович, семья у нас, как вы видите, простая, трудящаяся. Я всю свою сознательную жизнь мою и мою грязную посуду в кафе «Рай». Наш брак с Коленькой для нас обоих второй. Детей у нас нет и не было. Бог не дал... Вот я и размечталась, глядя сейчас на вас, такую порядочную, интеллигентную пару, что если вдруг мы за эти две недели полюбим вашего Славика, а он нас?..

— Стоп, жена, — твердо сказал Николай, сложив руки на груди. — Я тоже не исключаю такой ситуации. И имею по этому поводу вполне определенное мнение. Тамара немного просветила нас о ваших трудностях. В таком возрасте вам ребенка на ноги уже не поставить. Не успеете. Вы уверены, что оба доживете хотя бы до его совершеннолетия?

Мы с Зоей покаянно, самокритично вздохнули.

— А если кто один и дотянет, то все равно никуда годен уже не будет. Так что мы решительно готовы без дураков предложить усыновить вашего Славика, вот вам крест, с соблюдением всех установленных государством формальностей. Чтобы потом между нами не было никаких скользких разговоров и нытья о возврате дитя.

— Кошачьи щенки! Ух ты! — разглядел Слава веселую, резвую троицу котят, вдруг прокравшуюся к нему под стул с явным намерением азартно поиграть.

— Вот видите! Ему нравится у нас! — чуть ли не со слезами в голосе проговорила Оля. — Мы люди трудолюбивые, в меру православные и без глупостей. Особенно по части выпить чего зря.

Николай снисходительно усмехнулся.

Он вдруг бодро встал, молодецки расправил плечи и зачем-то щелкнул по низкому потолку панцирными ногтями своей левой здоровой руки. Сказал, как с разбегу:

— А вы, того, можете оставить парня у нас хоть сейчас.

— Идемте, я покажу Вам, какую славную постель мы приготовили Славику! — счастливо взмахнула руками Оля, словно вдохновенно, нежно стелила простынь у нас на глазах.

Моя Зоя Витальевна тревожно взглянула на меня.

Мы прошли в маленькую сумрачную комнату с узким оконцем на старинный русский манер, в которое, чтобы заглянуть, надо изогнуться в три погибели. На подоконнике стояла клетка с ярким, карнавалопестрым щеглом в красной маске. Несмотря на свою просто-таки венецианскую внешность, птица выглядела понуро.

— Он, того, не поет... Помял я его чуток... Когда ловил... — откашлявшись, сумрачно сказал Николай. — Сегодня же вышвырну. На попку лучше замену. Славец, а ты каких попугаев больше любишь?

— Я еще об этом серьезно не думал... — напрягся Зоин внук и посерел — так бледнеют люди с бледной кожей.

Само собой, главной достопримечательностью комнаты была сиявшая хромированными грядушками ласковая кровать с железной панцирной сеткой. Я спал на такой в детстве у бабушки в селе Касторном, мило запомнившимся мне своим горько-сладким печным дымом и словно бы живой, веселой колодезной водой.

На кровати у Потаповых, застеленной накрахмаленной, искристой простыней, возлежала дородная пуховая перина, а поверху нее распростерлось игриво-блескущее розовое атласное одеяльце с бантиками.

— Девчачье... — брезгливо сказал Славик, как прожевал что-то невкусное.

В тон всему по стене раскинулся пестрый коврик с крылатыми ангелочками, явно страдающими избыточным весом. Тем не менее, на тумбочке стоял в окружении целого стада мягких игрушек типа слонов, тигров, мишек и так далее дорогой телевизор с изогнутым OLED-экраном модельного ряда этого года.

— Славочка, тебе нравится здесь? — бережно проговорила Оля.

— Не знаю... — безразлично хмыкнул он. — А вообще мне хочется взять кусочек Солнца и поставить его у вас посередине комнаты: вот будет светло!

— Какой умный мальчик... — вздохнула Оля и вдруг толкнула Николая локотком с несвойственной для тихони требовательностью. — Чего заткнулся?

— Так вы определились?! — как вскинулся тот и почему-то покраснел. — Нечего особенно тут раздумывать. Мы люди маленькие, по границам не ездим, однако соображение какое-никакое имеем: вам в дорогу пора собираться. А он между ног у вас все шныряет, шныряет, шныряет! Суета сует!

Оля и Николай по-семейному разом сочувственно вздохнули, как бы иллюстрируя загадочную пословицу насчет сатанинского единства мужа и жены.

— Спасибо вам за понимание. И вообще... — промямлила моя славная кандидат психологических наук. — Да, да. У вас чудесно! Более чем! Какая кошечка милая! А собачка! И все же давайте будем считать, что наша первая встреча никого ни к чему не обязывает.

— Все ясно... — глухо сказал Николай. — Вона как оно повернулось, Олюха, твое гостеприимство... Нашим же салом да нам по мусалам.

— Я совсем не это имела в виду... — Зоя Витальевна судорожно прижала Славика к себе.

— Дядя Коля, вы ошибаетесь! — вскрикнул ее внук, почти беззвучно топнув ножкой-тростинкой. — Лично я никакого хрю-хрю не ел! Это не детская еда!

Потапов вытащил папиросы, поглядел на них так, точно первый раз в жизни видел и не знал, что с ними дальше делать. Казалось, сейчас заплачет от растерянности. Затупило мужика. Ручная белая мышка юрко взбежала ему на плечо и сердито пискнула, злоюй стрельнув в нас с Зоей своими лазерно-красными глазенками.

— Я все равно буду надеяться, миленькие мои... — молитвенно проговорила Оля. — Славик нам с Коленькой в душу вошел... Такой милый мальчик!

В ПАРИЖ К ЧЕРТУ НА КУЛИЧКИ

Обычно о вечернем возвращении Зои с работы меня оповещает резвое, юркое шарканье в подъезде Славкиных подошв по ступеням лестницы: ко всему оно еще какое-то острое, вжикающее, словно на оселке торопливо затачивают лезвие маленького ножичка. Его летящий бег никак не спутать с теми усталыми, неспешными звуками, какие издает в процессе восхождения на этажи взрослая нога натрудившегося за день человека. Далее Зоя бережно открывает еще не совсем привычный ей тугой, оружейно клацающий замок моей квартиры. Тонкий, как тень, Славик тотчас проникает в коридор, словно сквозь бабушку, далее он со всех ног добегают до зала и, увидев меня, бежит обратно испуганно прятаться в пальто Зоиньки.

Наверное, я все-таки похож на монстра. Или был им в своей прошлой жизни. Детям видней.

Сегодня моя Зоя Витальевна одиноко вошла в квартиру в осеннем пальто с объемистым капюшоном, в котором она сейчас почему-то напоминала мне средневековую монахиню. Но еще более смиренно-покаянного, отрешенного было в ее безрадостном взгляде, словно остуженном нынешним на редкость стылым октябрем.

— А где наш «вождь краснокожих»?! — нарочито бодро проговорил я, временно переименовав Славика с помощью господина О' Генри.

— Потом, Сережа... Хорошо?

— Надеюсь, с ним все в порядке?

— И с ним, и с нами. Теперь мы сможем поехать в турне по Европе. Радуйся...

— Сейчас, только разбегусь... — вздохнул я, как фыркнул. — Ты все-таки оставила его в том «доме со щеглом»?

— Нет, мой хороший. Позже все объясню. Сейчас сил нет никаких. Можно я немного молча полежу?

— Какой разговор? Тебе на ужин картошку подогреть или рис сварить?

— Я не хочу есть.

— Совсем-совсем?

— Вроде того.

— А чего ты хочешь?

— В Париж... — наклонила голову моя Зоя Витальевна. — Или к черту на кулички? Еще окончательно не решила.

Я за полчаса сделал курицу «на соли» — шедевр кулинарии последних лет советской власти, когда еще в помине не было никаких жарочных пластиковых пакетов, а фольга числилась по разряду дефицита уровня хороших обоев.

Конечный продукт получился что надо: смуглая, до прочерни места-ми, блестящая корочка, туго запечатавшая полтора кило изысканного мяса, густо насыщенного чистым, прозрачным соком. Я не знаю, кто первый придумал это блюдо, но без ехидства предлагаю поставить ему памятник. В виде тощей, синей курицы эпохи развитого социализма, превращающейся в духовке в подлинный кулинарный шедевр.

Ели мы без аппетита. Ели молча. Я все время чувствовал себя в чем-то виноватым. Такое наше заторможенное состояние я объяснял тем, что мы отвыкли быть сами собой, а не приложением к Славику. Но от этого веселей не стало.

Я даже начал замечать, что мне парадоксально мерещится наличие в доме внука Зои. Может быть, так оно и было на самом деле, но на каком-то энергетическом уровне? И вот сейчас с минуты на минуту Славик материализуется из ничего с ошеломляющим криком «Ура! Я описался!»

Наверняка Зоя тоже испытывала подобный эффект запредельного соприсутствия внука. Но явно в более зримых и чувственных образах, нежели это позволяли мне банально трехмерные миры моих мужских приземленных фантазий.

Весь вечер она делала вид, что внимательно и строго читает томик диакона Кураева «Сатанизм для интеллигенции», но листа не перевернула в книге.

Я попытался взять ситуацию под контроль и вернуть нашу жизнь в нормальное русло. Скажем, предложив романтическое путешествие в ресторан. Но вовремя спохватился: «Рано, Рита, пить боржоми...»

Назавтра мы ни разу не позвонили друг другу с работы, хотя до этого дня общались по всякому поводу и даже вовсе без одного с утра до вечера: то по скайпу, то по электронной почте. Но я еще продолжал верить, что со дня на день мы с Зойей, наконец, празднично ощутим всю радость нашего нового свободного положения.

Что-то, однако, подсказывало мне, что эту тему сейчас лучше не обсуждать.

КОЗИЙ СЫР ДЛЯ СЛАВКИ

Наш двухнедельный дармовой тур по Западной Европе мы как не совершали. Слово вовсе и не были в этих разных там парижках, берлинах и варшавах, а мельком поглядели за ужином на их архитектурные и прочие прелести по каналу «Телепутешествия». Одним словом, благородного волнения от приобщения двух воронежских провинциалов к ценностям высокой культуры западного мира не наблюдалось.

Помню, в первой моей зарубежной поездке (той самой, когда мы с Зоей случайно встретились на Карловом мосту), я убедился, что нас, россиян, местные видят за версту. До сих пор перед глазами очередь за кроссовками в одном пражском универмаге из оголтело налетевших эсээровских туристов образца 1987 года. И как местный мальчуган Славкиного возраста строго тычет в них пальцем, громко обращаясь к своей раскованной мамке в моднучей замызганной майке и домашних шлепанцах: «*Rusko! Rusko!*» Сейчас в этом плане здесь посложней. Глаза в глаза русским улыбаются, большим пальцем зачем-то восторженно тычут в небо, а вслед, я это затылком почувствовал, глядят настороженно, с прищуром. Иногда и вовсе тревожно. Все смешалось в головах европейцев: трагедия на Украине, бомбежки запрещенной в России ИГИЛ, возвращение в Россию «блудного» Крыма и наше по их меркам чуть ли не дикарское непризнание толерантных ценностей однополых браков и прочего сладостного набора рокового содомства. Некоторые так и вовсе смотрели на нас как на завтрашних оккупантов, уже приглядывающих себе в Европе зимние квартиры в любимом русскими классическом стиле.

И это мешало нам восторгаться Лувром, Дрезденской картинной галереей или Королевским дворцом Сигизмунда? Совсем нет... Радость бытия нам с Зоей Витальевой отравляло... потаенное чувство вины перед неугомонным Славкой. Мы пребывали в некоем ступоре и почти не выходили из нашего *Small Hotel*.

Вы видели людей, которые из благородной старой Европы вернулись бы с пустыми руками? Это мы, господа.

Поверьте, выбор, что там прикупить, был. Очень даже впечатляющий. Они все еще продолжают нас удивлять своим особым стилем во многом, кроме, само собой, ракет и танков. В первую очередь, как всегда, по части гастрономии. Помнится, первый раз мне по-настоящему стало за бугром больно за державу в далеком нищем 1994-м. Я тогда в составе делегации ездил во Францию на symposium (с латыни буквально — пиршество) «Как находить выход из исторических конфликтов и возможна ли история без идеологии?» Что мы тогда наговорили друг другу, не помню, и помнить не надо, но вот реально не забуду, как нас повезли на всемирную Парижскую выставку-ярмарку европейской жрачки. Со вздохом признаюсь, что испытал мещанский шок при виде тамошних красиво упакованных сотен разновидностей колбас, сыров, вин и экзотического мяса крокодила.

По ходу нашего с Зоей турне я в баре одного из отелей (до магазинов мы не добрались по уже озвученной причине) было положил глаз на бутылку страсбургского белого и на пятидесятипятиградусный зеленый Шартрез из настоя на 130 травах. Зоя, как я заметил, вздохнула в сторону фуа-гра, известного еще со времен Древнего Рима — необыкновенный пахнет из неестественно жирной гусиной печени, на срезе похожий на живой мрамор с сочными прожилками — некая оранжевая консистенция, не бередящая вовсе мой могучий русский аппетит. В итоге мы вернулись в Россию лишь с польским домашним козьим сыром *oscurek* — для Славки, господа, для Славки...

Воронеж встретил нас густым кленовым листопадом. Ну хоть заноси его в природные анналы. Этот листопад 19 октября 2015 года стал событием по своей масштабности. Ему предшествовал первый настоящий мо-

розец. На исходе ночи он уверенно укрепился в неожиданных минутах пяти. И лист сорвался, как приказ свыше получил.

Густо, масштабно запорошило. В парке возле нашего дома матерые тридцатиметровые клены до захода солнца неумолимо сбрасывали листья всех раскрасок. И пикировали те, и вертелись в штопоре, и плавно, затажно описывали последние круги. Сквозь аллею взгляд не проникал и до половины ее. Все застила, непроницаемо мельтеша, плотная, насыщенная лиственная метель. Сухой, минорный шорох был главным звуком Воронежа. К обеду насыпало вороха по колено. Яркое пахло вызревшим кленовым соком. В ночь этот сумасбродный падеж вдруг разом прекратился. Деревья, дружно потрудившись, отрунули листья, как в «Марсельезе» в революционной горячке народ отрывается от старого мира и отряхивает с ног его прах.

Пока Зоя ездила куда-то за Славиком, мне вдруг отчаянно захотелось немедленно сбежать. Сейчас ОН вернется и моему личному пространству придется вновь свернуться до размеров куриной гузки. Я машинально начал перебирать адреса, по каким можно было бы удариться в паническое бегство. Ничего лучшего, чем залечь в моем гараже, я в итоге не родил. Верные друзья в основной массе своей поумирали, спилились или эмигрировали в разные части этого не всегда белого света.

Но идея сделать подушкой старую шину и укрываться автомобильным чехлом мне явно «не климатила», как говорили мы в годы нашей комсомольской юности.

В итоге я предпочел тупо ждать появления Славика.

Когда приехали Зоя с внуком, я не слышал. Вовсе не слышал. Только не потому, что спал или был близок к этому. Так тихо, незримо, они еще ни разу не входили. Вернее, — он, наш Славик. Тут бы уже вихрь поднялся, как это обычно бывало, торнадо настоящее: что может и не может с грохотом падает на его пути; ботинки Славика вертко летят в потолок; он с визгом хватается игрушку, по которой неистово соскучился, и несется с ней в танце по комнате, напевая (крича!!!) свой любимый гимн мультфильмовских Фиксиков.

Славка осторожно заглянул в комнату. Голова его мелькнула чуть ли не на уровне плинтуса. То есть он это сделал то ли на корточках, то ли лежа. Как заправский разведчик. Потом пошел напряженный шепот между ним и Зоей.

Само собой, я не подавал вида. Да и как-то не было во мне позыва на проявление бурной радости. Ведь это последние минуты, секунды, когда я принадлежу самому себе...

— Нам можно войти?.. — спросила Зоя столь тихим голосом, что мне стало почему-то стыдно за себя.

Она прошла через комнату такими мелкими шажками, какими подвигается человек, если кто-то прячется за ним.

— Поздоровайся с дядей, — вздохнула Зоя.

— Не-е-е-е! — заорал Славик за ее спиной.

Я невольно отметил, что за время нашего отсутствия в его голосе как бы несколько прибавилось взрослых ноток.

— Не могу здороваться: я умер...

Он прыгнул на диван и распластался мертвецом.

— Началось? Ты — неисправим? Так тебя отвезти обратно на Туполева?! — с надрывом вскрикнула Зоя.

— Нет... — прошептал Славик и судорожно ужаснулся — будто на глазах еще похудел. То есть как бы уже по весу в минус вышел.

Название улицы Туполева мне было знакомо. Но при чем она здесь? Бывало, проезжал там на своем «французе», — это чуть ли не самое глухое место Левобережного района с нелепой путаной планировкой. Унылые края, какие обычно бывают там, где на каждом шагу склады, гаражи, мрачные заводские корпуса... Обзывается эта окраина как-то странно — ВАИ. Правильную расшифровку такой загадочной, невесть из чего возникшей аббревиатуры до сих пор никто не сделал. ВАИ ко всему еще имеет негласную хулиганскую славу. Как некогда знаменитая столица воронежской шпаны Песчановка. Она и ВАИ были некогда нашими аналогами нищих нью-йоркских Бронкса и Гарлема 70-х.

Минут через пять Славик осторожно прогулялся по комнате, заложив руки за спину. Словно по новой обжился здесь.

— Есть будешь?.. — тихо проговорила Зоя.

— А что-о-о-о?! — приобернувшись, зарычало дитя.

Она мило присела рядом.

— Что пожелаешь! Щи. Пельмени. Яишенка. Сочник с молоком. А еще мы привезли тебе из Европы польский козий сыр! Вкуснятина!

Обычно Слава в ответ на Зоины предложения еды задирал пупырышку своего носа к потолку и с нарочитым выражением мучительного напряжения начинал плямкать губами: «Чего я хочу?.. Чего я хочу?.. Ну-у-у-у... Этого... Как там его... Ничего!!!»

— Ничего не надо. Хлеба... — вдруг тихо, конкретно проговорил Слава.

Мне что-то не по себе стало.

Зоя принесла полбуханки душистого ситного и хотела нарезать его, как Славик вдруг глухо проговорил:

— Дай целый! Так жрать вкусней!

Он крепко, хватко взял хлеб, машинально, на глубоком вдохе, «нюхнул», грозно зажмурился и наискось вгрызся в спелую, взгорбленную корочку. Бровки реденькие сурово сведены, пипка носа так сморщена, что даже судорожно шевелится от напряжения. Вскраснелся. Сопит. Вдруг голову чуть наклонил, чтобы по нам быстрым опасливым взглядом зыркнуть — и снова усердно за свое азартное дело настойчиво принялся.

— Подавишься! — вздрогнула Зоенька.

— Пошла ты!.. — глухо рыкнул Славик. Машинально. Явно чьими-то чужими словами.

Мы с ней тревожно переглянулись.

Не знаю, чего было больше в ее милых серо-голубых глазах: потрясения от такой вовсе не детской грубости, впервые в жизни услышанной от внука, или страха в отношении того, какой силы будет сейчас с секунды на секунду мой удар по Славкиной заднице. Момент этого явно требовал. Иного быть не могло. Миль пардон, мадам. Маленький наглец напросился. Я вынужден. Это происходит у мужика на автомате. Генетически закодированная реакция на хамство.

Славик уже съежился, судорожно стиснув обслюявленный хлеб и отчаянно раззявив рот. Оттуда капали крошки.

— Подавишься, чертяка! — усмехнувшись, поддержал я Зою.

Настроения ударить у меня почему-то не было. Макаренко во мне смущенно отдышал.

Зоя порывисто обняла меня: она так выразила свою благодарность за мою настоящую мужскую выдержку. Я поцеловал ее руку. Более чем приятно позволить себе такое, особенно если это совершаешь не по протоколу.

— Так где на Туполева твой внук пропадал все это время? Мне когда-нибудь скажут?

— Он был в детском приюте... — сказала Зоя, прижав к себе Славику. — Самом лучшим в городе. Воспитатели — воплощенная забота и нежность. Кормят отлично. Игрушек — навалом. Каждый день у них в гости священники, чиновники, бизнесмены, артисты. Все просто замечательно! Если бы не контингент самих детишек... Они там один к одному из династий потомственных алкоголиков и урок.

Я искоса поглядел на строгую напряженную физиономию Славика. Но только не в глаза. Скорее, на наперсток его подбородка. Посмотреть в глаза Зоиному внуку я сейчас не рискнул. Словно бы то, что я мог увидеть в них, было мне сейчас не по зубам.

— Он быстро стал там популярен... — вздохнула Зоя. — За две недели на него положили глаз три семьи! На предмет усыновления. Одна так даже из Лос-Анджелеса. Какие-то два мужика... Венчаные! Бр-р-р...

Славик хихикнул и вдруг сделал на диване стойку на голове. Даже носки, разбойник, оттянул, как следует.

— Баушка, отдавай меня кому угодно! Хоть Потаповым! Но только не этим дяденькам!

Следовало дать ему по заднице. Но пока я соображал, как это сделать с наименьшими страданиями для Зои, Славик успел принять горизонтальное положение и благополучно заснул. Так бывает только с крайне изменчивыми людьми.

Первые минуты, протискиваясь в долгожданный, домашний, безопасный сон, Славик судорожно дышал. С надрывом. А достигнув цели, уютно свернулся в его отеческих объятиях калачиком и распахнул перед собой экран для просмотра милых, добрых снов.

Я нагнулся над Славиком.

— Зоя, а что у него за синяки на щеке?

Она утомленно закрыла глаза.

— В интернате один мальчишка всех подряд рвет, как Тузик грелку. Любитель кусаться. Некий Филька. Лет пяти. Но он там уже за «пахана». Отец Фильки второй срок за убийство сидит, мать под следствием — младшего сыночка утопила в ведре.

— Как — в ведре?

— Деталей не знаю. Я там в этот момент не присутствовала, — впервые продемонстрировала мне Зоенька свои строгие нотки.

— И что, на этого Фильку нет никакого укорота? — пожал я плечами. — Жаль, что я не научил твоего внука хоть каким-нибудь приемам из своего афганского прошлого!

— Вот и хорошо, что не научил, герой, — вздохнула Зоя. — Зло злом не побеждают. А там мальчик у них один есть, из Украины, так вот он стал нашего Славика и вообще всех ребят от Фильки защищать.

— Миша Мамонтенко? — напрягся я.

— Да. А ты откуда знаешь про него?

— Давай поговорим об этом позже... — нахмурился я, потому что эта

тема сейчас вряд ли бы прибавила нам хорошего настроения. Как вы помните, она напрямую связана с огнеметами, испепелившими в Луганске на холме семью Миши и его детство.

После неурочного славного сна внук Зои был паинькой только пару часов. Они пролетели как мгновение. К полночи он вновь не на шутку разыгрался. Вокруг Славика, маленького короля в бумажной короне, больше похожей на шутовской колпак, расположилась разноголоса воющая свита из любимых игрушек: болтливый робот-почалка Шунтик, назойливый «повторюшка» Хомячок, яростно ревущая гоночная машина и какой-то согбенный велосипедист, маниакально-настырно выписывающий замысловатые петли под заунывную электронную шарманку. Дерзко молчал лишь плюшевый и с недавних пор одноглазый Степашка. При этом он сидел с такой хитрой заячьей усмешкой, что даже у меня по спине от нее пробежали мурашки. Эдакий серый кардинал Славкиного детства...

— И-и-и-и-и!!! — самоупоенно верещал король игрушек, с каждой секундой возрастая в тональности. — Мы сейчас все поедem жить на Туполева! И-и-и-и-и! На щелбаны играть с Филькой в подкидного!

Чтобы дать вам хотя бы некоторое представление о силе звуков, сейчас издаваемых Славиком, приведу только один пример. Недавно, это была середина ясного теплого сентября, мы с ним вышли погулять «в поля», как называют у нас в Березовой роце делянки здешнего аграрного университета. Перелуччато мерцали молодые зелена. На них вдали, похожая на перья пепла, неподвижно расположилась стая грачей, как замороженная тишиной раннего вечера. Одним словом, классическая идиллия. Пейзанское счастье.

Здесь Славка и увидел впервые летучих мышей — крылатые комочки вечерниц, стремглав чертившие в сумерках резкие, суматошные и в то же время пластичные траектории.

— У них глаза как зеленые фонарики! Ух, ты-ы-ы-и-и-и-и-и!!! — радостно разразился он над нежно-тихими просторами полей таким азартным, голосистым визгом, что летучие мыши-слепыши потеряли всякую возможность своей ультразвуковой ориентации в этом прекраснейшем из миров. Как осколки после взрыва, они суматошно скovyрнулись во все стороны без всякой надежды когда-нибудь еще увидеть друг друга.

— И-и-и-и-и! И-и-и-и-и! — надрывно продолжал пульсировать по моей «хрущевке» счастливый визг вошедшего в раж Славика.

Странно, но я сейчас как не слышал эти его пронзительно верещавшие трели. Словно вновь воспользовался спасительными салфетками для замуравывания ушных слуховых проходов. Так что, несмотря ни на что, я смог сносно читать, вернее, перечитывать лекции Ключевского, будто уютно сидел в благоговейной тишине любимой с юношеских лет Никитинской библиотеке.

— Слава, прекрати! — спохватилась Зоя, с опаской посмотрев на мое непривычно безмятежное, даже умиротворенное лицо. — Не балуйся!!!

— А я не балуюсь! — задорно объявил он. — Это от удовольствия жизнью! Для души.

Я внимательно покосился на него. Так на кастинге в театральный вуз член приемной комиссии, замученный фальшивым чтением басен и стихотворений бесталанными соискателями, вдруг машинально поднимает голову, наконец услышав живые самобытные нотки чьих-то реальных способностей.

— Ну, ты даешь... — одобряюще усмехнулся я. — К твоему уму еще бы соответствующее поведение.

Славик тоненько хихикнул:

— Сейчас мой ум почистит зубы и пойдет спать, чтобы завтра не опоздать в детский садик на утренник. Уж там моему уму работы найдется более чем.

Нет, что-то со мной странное произошло. Просто-таки из разряда аномальных явлений. Крученный-верченый ребенок напрочь перестал меня раздражать. Я — притерпелся? Смирился? Не похоже. Ничуть. Но как разом отрезало.

— Ты купил себе беруши?.. — осторожно поинтересовалась Зоенька, тоже заметив мою эдакую неожиданную толерантность.

— Я даже толком не знаю, что это такое, — благожелательно вздохнул я.

Так что же все-таки со мной? Или «ко всему-то подлец-человек привыкает?!»

А Славка, словно нарочно испытывая мое терпение, пружинисто скачет и скачет по квартире. Как лягушка. То на диван вспрыгнет, то на стул взлетит. Пока подаренные мне мамой к моему тридцатилетию часы с боем «Чайка» обреченно не сорвались со стены. Их медное нутро с грохотом рассыпалось шестеренками и пружинами по паркету, траурно проскрежетав напоследок некое явно загробное время.

В руках Зои Витальевны взвился змейкой ремень, серебристо блеснул.

— Что ты наделал... — полуобморочно выдохнула она.

Славка куда-то метнулся, уворачиваясь от бабушкиной кары. Кажется, в сторону туалета. Даже медвежий тотем на этот раз не остановил его. Вскоре оттуда раздался его плач, правда, почему-то похожий на такой звук, словно он ревел в глубокую кастрюлю.

Мы бросились искать его. Дите горько рыдало, забившись под чугунную ванну. Это было разве что возможно только при толщине Славкиного туловища, равного тени. Когда-то именно сюда в грозу, чтобы не слышать ее бомбовые раскаты, пыталась трусливо протиснуться моя мугучая пятипудовая Аманда, но ей удалось лишь протиснуть морду. Не в последнюю очередь благодаря тому, что она была у нее всегда обильно слюнявой и, соответственно, скользкой.

Хрустнув коленями, я сел на корточки рядом с плачущим Славиком, и для начала врачующего психотерапевтического сеанса рассказал ему в качестве «разогрева» разные забавные истории с моей Амандой. Скажем, как она любила носить мою кепку на своей голове или в панике металась по берегу Дона, если я залезал в воду. Но самое живое впечатление произвела на Славика история о том, как я отучал ее писать в квартире. Хотя Аманда была тогда веселым щенком месяцев трех от роду, мне это удалось не сразу и с большим трудом. Наконец, я с облегчением вздохнул, перестав натягаться в квартире на ароматные лужицы. Однако уже через пару дней Аманда, как видно, не желая расставаться навсегда с привычкой писать где вздумается, наладилась брызгать оригинальным способом: перевернувшись на спину. В эту минуту она напоминала маленького китенка, выбрасывающего при всплытии дискретную струйку. При этом она была твердо убеждена, что не гадит в доме: в общем, и волки сыты, и овцы целы.

Славик хихикнул. Кажется, он был полностью солидарен с милой

находчивостью Аманды. Может быть, он даже взял себе на заметку такое ее решение животрепещущего щенячьего вопроса.

Я же, видя явный успех этой истории в глазах Славика, пронизательно решил продолжить собачью тему. Я принял в туалете позу профессионального декламатора и собрался вдохновенно прочитать знаменитое стихотворение про собаку и кусок мяса. Кстати, его авторство для меня и Интернета — сущая загадка. Зато по всенародной популярности оно до сих пор превосходит всех отечественных классиков пиитического жанра. Начиная со старины Тредиаковского.

— Я знаю такой стих. Меня Филька научил... — печально поморщился Славик в положении «лежа» под боровом-ванной: — У попа была собака, / Он ее любил, / Она съела кусок мяса, / Он ее убил». Жалко песика... — Ничего подобного! — усмехнулся я. — Але гоп!

У меня была собака,
Я ее любил.
Она съела кусок мяса,
Я ее любил.
Она писала на коврик,
Я ее любил.
Она тапочки порвала,
Я ее любил.
И сказал я той собаке:
«Видишь, все терплю».
И ответила собака:
«Я тебя люблю!»

Славик вылез из-под ванной, отряхнулся и вдруг тихо сказал:
— Я вас тоже люблю...

Мне показалось, что Зоя всхлинула. Славик рывком прижался к моей руке. Чуть ли не обвинил ее, как у меня возле дачи на Дону августовский белесо-зеленоватый хмель кусты прибрежной ракиты. Славик стоял так очень долго. У меня даже спина занемела. Зоя несколько раз прошла мимо нас на цыпочках, приложив палец к губам. Нам нельзя было мешать: кажется, наши души знакомились друг с другом.

НАСТОЯЩАЯ ПОДРУЖКА

Назавтра утром около жутко ранних пяти часов я неуклюже прошаркал в туалет мимо Славика. Он впервые не спал в это время, и как-то строго покосился на меня с дивана. Представьте мальчика-огольца пяти лет, который на излете ночи лежит на спине в детской голубенькой маечке с розовым слоненком на груди, заведя хилые ручонки за голову, и строго, уперто смотрит перед собой — в никуда. Да еще его детский лобик весь сикось-накось в ряби тонюсеньких морщинок.

Я никак подумал, что Славик нестерпимо хочет «пи-пи», если не более того, но боится идти один мимо потемной медвежьей шкуры. Свет, правда, в коридоре и ванной комнате у нас теперь всегда предусмотрительно горел.

— Тебя проводить в туалет?.. — прошептал я, не догадываясь, что ребенок в приюте успел привыкнуть вставать именно в это время. И вставать быстро, быстро убирать постель, бежать в туалет, а после зарядки идти качающимся смурным шагом завтракать.

Славик по-взрослому ловил последние минуты покоя.

— Завтракать, мой золотой! — впервые пропела Зоенька, как объявляя радостную побудку на всем земном шаре.

— Еще темно!.. А я есть хочу не в темнице, а в светлице... — глухо вздохнул Славик, опустив с постели свои скучные, залежавшиеся ножи.

Зоенька торжественно приступила к совершению обряда утреннего кормления внука: нагрела на водяной бане (и никакой вам вредной микроволновки!) творожные сырки (только «Тема» и только с яблоком!), а также молоко «Цельное» в его любимой коричневой кружке, которая стояла у нас всегда наготове отдельно от общей посуды. Сама процедура кормления обычно выглядит так: Зоя бдительно, взволнованно стоит перед внуком и с аккуратностью сверхточного японского робота укладывает с золоченой ложечки в ленивый птенчиковый клювик внука порцию за порцией.

Сегодня за едой он был как никогда хмур и траурно шокировал бабушку, не позволив кормить себя с ложечки и вытирать ему губы даже любимой розовой салфеткой с оранжевыми бабочками.

Причина такого мрачного настроения объяснилась, когда Славик, уже одетый, обутый, застегнутый и обвитый трижды шарфом, с громким вздохом мужественно сказал:

— А теперь везите меня обратно на Туполева.

— Миленький! — закричала Зоя Витальевна. — Ты идешь в детский садик!

— Не верю... Везите, везите. Я не трус.

Она стремительно подняла перед собой упакованного под полярника (на улице мороз в два жутких градуса!) и как бы увеличившегося вдвое Славика. Далее с ее стороны последовали лихорадочные поцелуй за поцелуем и нечто бессвязное в смысле приглушенного винящегося бормотания.

А он ей в ответ хмуро:

— Я там не пропаду. Кормят на Туполева очень хорошо. Игрушек целый воз. Только одиноко... И Филька больно кусается. Ничего, перепопнусь...

Славик, закусив губу, внятно, усердно перекрестился на икону у двери. Бровчик повел, заметив какую-то за собой при этом ошибку, — и еще раз отчетливо, с доглядом наложил на себя крестное знамение.

— Кажется, я сейчас сойду с ума! — Зоенька ткнулась лбом в мое плечо. — Сережа! Если мы сейчас повезем его в садик, он все равно будет до последнего думать, что это дорога в приют... Как быть? У меня через двадцать минут начинается прием! И первым записан такой человек, что даже тебе я не могу назвать ни его самого, ни тем более занимаемый им пост.

— Лети, Зоенька, — сказал я. — Только не цепляйся за антенны и трубы. А Славика я пристрою в компанию к своей внучке. Пора им познакомиться. А Лизонька как раз сегодня дома посидит от греха подалее. Расчихалась, понимаешь ли.

— Так Славик от нее заразится! — панически напряглась Зоя.

— Только всем хорошим! — пропел он и затанцевал по комнате от переизбытка каких-то до сих пор неведомых ему чувств. В итоге его озарило: — О! Надо купить Лизе цветы! Как без них знакомиться? Белые розы, белые розы, розы белые! Там-тара-рам! Баушка! Лиза мне уже кажется самой прекрасной девочкой на свете! Я просто уверен: лучше ее нет никого! Почему мы раньше не знали друг друга?! Эх, вы! А сколько ей лет?

— Уже — четыре! — торжественно объявил я.

Моя Лизонька встретила нас взглядом исподлобья и спрятанными за спину руками. Губки — пухлым шариком. Гузка, одним словом. Вид од-

ного этого уже способен вызвать пьянящий восторг у дедушки, каковым я и являлся. Даже Славик рассмеялся, глядя на хмурую четырехлетнюю девочку с личиком, украшенным замечательно вылепленными бугорками сочных щечек и потаенно озорными, умнющими глазенками. Однако, кроме настороженности и недоверчивой опасливости, в Лизоньке проглядывала резвая готовность немедленно, с разбега ворваться в любую игру. Плотненькая, не по годам сильная, как налитая, она была переполнена той неистощимой детской силы, которой требовалось просто-таки пороховое применение. Так что через напускную настороженность в Лизоньке проглядывал задорный внутренний позыв: «Хочу игра-а-а-ть!»

Она учащенно моргала, все еще не выбрав, что ей предпочтеть: рычащий плач с учащенным капанием слез или атаковую радость.

Она строго поглядела на папу Сашу и маму Галю и, как считав с выражения лиц родителей одной ей понятную важную информацию, бросилась к Славiku. Я было решил, что она из-за переизбытка чувств даст ему сейчас в нос. Правда, если разглядит его на Славкином миниатюрном бледном лице.

Лиза хватко сковала своей смуглой ручонкой, нежно загоревшей под солнцем Турции (и скорее всего в последний раз), беззащитно тонкую шею Славки. Когда она просто-таки волокла его в зал, он крутился у нее под мышкой как вихляющийся на ветру рекламный надувной аэромен.

— Будем играть в дочки-матери!!!

— А кем я буду в этой сладкой парочке? — по-взрослому пошутил Славик.

— Кем-кем! Никем! Будешь Бабаем! — Лиза счастливо завизжала. — Я буду тобой дочку пугать, чтобы не баловалась! А еще ты немного будешь папой, чтобы ходить в магазин, делать мне подарки и петь колыбельные!

Она игриво топнула ножкой, требуя от взрослых уйти поскорей и не мешать им понарошку играть взаправду.

Слава тотчас поддержал Лизу:

— Уходите, вы — старые! С вами скучно!

Вечером я не узнал квартиру сына. Поднявшийся следом Саша тоже не врубился, куда он вошел. Более того, мы оба не узнали Галю. Ни дать, ни взять какая-то другая, изможденная женщина понуро полусидела-полулежала в кресле, обронив обе руки. Я бы, простите, даже уточнил — она была как размазана по этому просторному креслу из кожи цвета кофе с молоком. Вернее, таким оно выглядело утром. А сейчас больше напоминало перевернутый холодильник, облепленный пестрыми развивающими пазлами магнитиков на все мыслимые и немыслимые темы.

Мы с Сашей уныло оглядели разбросанную по ковру тьму-тьмущую игрушек, книг, подушек, тяжелых гантелей и даже обуви всех размеров, но в основном далеко не детской. Казалось, мы печально стоим на краю некоего кукольного Куликова поля после кукольного побоища. А опрокинутые стулья и сброшенная с дивана постель — мелочь пузатая по сравнению с разбитым антикварным зеркалом сталинской эпохи, опрокинутым телевизором и невесть как оказавшимися здесь невымытыми сковородками.

Посреди всего этого вселенского ералаша, как последние люди на Земле, стояли Лиза и Славик, мужественно взявшись за руки. При этом они то и дело отплеывались, чихали и кашляли.

— Как это все называется?.. — тихо сказал я, подняв с ковра растерзанную глистоподобную импортную Барби, успевшую прорваться в Россию до начала эпохи санкций — нынешнего варианта былого «железного

занавеса». Мне ее почему-то нисколько не было жаль. Я понимал, что это нетолерантно, но ничего поделать не мог. Сказалось мое «матрешечное» воспитание.

— Нас переполняла радость жизни! — взвизгнул Славик и поперхнулся смехом.

— Нашел время веселиться... — осторожно заметил я, вовсе не имея в виду бюджетные проблемы страны и повышение пенсионного возраста.

— Я вообще... люблю... смеяться! — кхекая, дерзко объявил он, вдохновляемый присутствием Дамы сердца. — Это важная часть моей жизни. Лиза бодро отхлопала его ладошкой по хилому загривку.

— Полегчало, Славек?

— Да, спасибо, дорогая, — ответил он, едва устояв на ногах.

— И что же вызвало у вас эту погромную радость, вандалы вы мои милые?! — продолжал я набирать обороты на случай оправдания перед Зоей уже почти неизбежного антитолерантного рукоприкладства с моей стороны состоянием неуправляемого аффекта.

Лиза демонстративно скрестила руки на груди и залилась сочным басистым хохотком.

— Мы решили пожениться!

Славик неуклюже изобразил, что обнял ее за плечи:

— Спасибо тебе. Обещаю, что ты с этого часа будешь моя единственная подружка!

— А не кажется вам, что вы явно заигрались в семью? — всем лицом улыбнулся мой Саша.

— А вот и нисколючко! — остро вскрикнула Лиза. — Я сегодня ночью видела во сне нашу свадьбу со Славиком!

— Какой у тебя замечательный голос! — с порывистой нежностью воскликнул Славик.

— Ага! — сказала Лиза и так ткнула будущего мужа локтем, что он, задохнувшись, рухнул на колени. Но с улыбкой. При всем при том даже вполне счастливой.

— Так, господа молодожены... — нахмурился я так, что брови у меня на лбу скрутились словно в бараний рог. — Хорошо-с. Пусть так. Но кто вас кормить будет? Одевать?

— Вы-ы-ы-ы! — завизжала Лизонька, словно поймала меня на очевидной глупости. — А жить со Славиком мы хотим здесь, в зале. Только мебель надо будет переставить. Я уже продумала как. И замок на дверь навесить, чтобы вы поменьше нами командовали!

Я ошалело поглядел на сына. У меня на лице явно было выражение человека, собравшегося первый раз нырнуть в крещенскую прорубь при хорошем морозе. И без предварительных двухсот граммов с беломраморным салом, аппетитно разлинованным темно-красными прожилками мясной любовчинки.

— Ну, что, сват? Впряжемся? По рукам?

Саша осторожно засмеялся. С плотно сжатыми губами. Почти как закашлялся.

— Не понял...

— Ты даешь! Будем играть свадьбу. И все дела. Гостей пригласим. Разные там СМИ! Наше мероприятие явно ждет Книга Гиннеса!

Славик украдкой вытер нос рукавом, перекрестился сикось-накось и строго сказал:

— Слава Богу, вы наконец все поняли. Теперь так не хочется умирать!

— Будем жить... вечно! — обняла его Лиза с таким бодрым аффектом, что Славику вновь пришлось пасть на колени.

Кажется, она нашла для него правильное место в их будущей жизни. По крайней мере, теперь я точно знаю, что первое просыпается от сна младенчества в маленькой девочке — взрослая женщина!

МАМА, КОТОРАЯ ТЕПЛЕЕ СОЛНЦА

Мы с Зоей как истинные бабушка и дедушка восторженно впали в детство и начали взаправду готовиться к свадьбе понарошку, решив исподтишка за ее кулисами устроить наше с ней реальное бракосочетание.

Над меню пыхтела Лизонька, рисуя для гостей царские блюда с летающими жареными лебедями и горы тортов, похожих на многоступенчатые египетские пирамиды, облитые ароматным кремом из «варенки». Славик вдумчиво трудился над пригласительными открытками, украшая их амурами, похожими на крылатые инфузории-туфельки, больше похожие на обувные устилки. Если рисунок не получался, он по-взрослому топал ногами и кричал, как настоящий художник в приступе мрачного творческого бессилия: «Я бездарность!»

Кстати, одну из них я отправил в детский приют на Туполева специально для луговчанина Миши Мамонтенко. Так душа подсказала. Точно с каким-то намеком.

А на днях утренним фирменным поездом неожиданно приехала из Москвы Тоня. Вся в эффектной блистающей ауре столичной жизни. Я было решил, что ее материнское сердце мистически уловило приближающиеся важные перемены в жизни Славика. В любом случае это был лучший свадебный подарок.

Она с первых минут восторженно объявила, что Славик повзрослел и стал явно лучше себя вести. При этом мне тоже был подарен комплимент: «Вот что значит настоящий мужчина в доме!»

— В октябре по-весеннему птицы поют, — вновь заговорила Зоенька стихами, радуясь приезду дочери. Кажется, она и на этот раз декламировала свою поэтическую тезку. Как я заметил, она всегда интуитивно делала это накануне судьбоносных событий. Если вспомнить нашу с ней первую встречу на даче возле моего старого, доброго друга. Его зовут Дон, уже несколько тысячелетий...

И трава зелена. А от солнца...
А от солнца особый веселый уют.
И малыш, просыпаясь, смеется.
И чисты облака. И листва шелестит,
с позолотою легкой пока еще.
И листочек один, отрываясь, летит
в этот мир, голубой и сверкающий.

Психолог, охваченный поэтическим настроением, — это нечто, скажу вам, господа.

— Я вернулась навсегда... — растроганно объявила Тоня.

— Ты мое сокровище! — вскричал Славик и вцепился в маму своими тонюсенькими ручками, как кудрявые усики молодой виноградной лозы-первогодка, для продвижения, роста, впиваются в ствол напротив — крепкий и полный сил.

— Мама, ты такая теплая... — хихикнул он в Тонино бедро. — Теплее Солнца!

Самое время было мне вспомнить про «Остановись, мгновенье!» господина Гете... Эй, вы, там, на Олимпе!!! Есть кто-нибудь? Не все еще свергнуты?.. Соизвольте исполнить это требование. Иначе Славик вас заменит. Неспроста японская мудрость гласит, что до пяти лет ребенок — бог...

Или все же чертенок?

Все-таки скорее последнее. Особенно если учесть, что вечером Славик уже передумал жениться на Лизе. Поматросил и бросил. А мы с таким размахом все было затеяли...

На правах ее дедушки я гневно навис над ним всей своей пугающей массой:

— С чего это ты на попятную пошел, такой разэтакий?

Славик меланхолически потускнел.

— Не знаю...

— Другую нашел, гуляка?

— Ага...

— И кто же эта разлучница?

— Я теперь хочу жениться на маме...

При таком раскладе событий мне оставалось разве что отправиться играть в дочки-матери. На пару с Зоенькой. Вперед, в детство...

— А вас прошу быть моим свидетелем!.. — восторженно глядя на меня снизу вверх, возликовал Славик. — Я давно хотел вам сказать... Вы — мой кумир!

Честное слово, я далеко не любимчик публики, но похвалой по жизни обделен не был. Правда, чаще всего ее не замечал. А эта детская оценка вдруг взволновала меня. Недоставало пустить слезу.

Еще одно его слово...

Славик сам же спас ситуацию.

— Снег! — озаренно заверещал он и восторженно приник к стеклу. — Ура! Я первый раз в жизни вижу снег! Хочу его потрогать.

— А разве в прошлом году его не было? — улыбнулась Зоя.

— Мне трудно вспоминать такую давнюю старину... — весело поморщился Слава. — По-моему, стояла какая-то скучная слякоть. Во всем мире... Только все это мне безразлично. Я хочу смеяться и любить маму!

— А человечество за окном? — усмехнулся я.

— Это уже будет в другой жизни. Во взрослой... — вздохнул Славик.

Объемный, тяжелый снег сочными шлепками налипал на окна, словно замуровывал нас небесной штукатуркой, чтобы втайне совершить зимний переворот в природе. Осень исчезала на глазах, как забракованная картина под яростными мазками кисти художника, взволнованного новым дерзким замыслом.

— Ничего, теперь у меня два дома... — оптимистично заметил Славик. — Это хорошо. Может, хоть один не занесет снегом!

Мело густо, весело, словно прочищая нечто в атмосфере планеты и отдельно взятых человеческих душ.

Нашей свадьбе с Зоей долгожданный снег тоже не помешал. Все прошло радостно и нежно. Правда, одного очень важного для меня гостя на свадьбе не было — Миши Мамонтенко. Но по причине уважительной: его на днях забрал к себе харьковский дедушка Василь. В приюте рассказали, что тот сам приезжал в Воронеж за внуком с Харьковщины на своем бывалом «Запорожце». С ручным управлением. Ноги ему оторвало еще под Кандагаром афганской миной.

Кстати, на обратном пути они с Мишей за Луганском дважды попали под минометный обстрел. Но пронесло, слава Богу.